

СМЕНА

№ 20 октябрь 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**«МОГУЩЕСТВО РОССИЙСКОЕ
ПРИРАСТАТЬ СТАНЕТ
СИБИРЬЮ...»**

Михаил ЛОМОНОСОВ

СИБИРСКИЙ ВЫПУСК

«Могущество Российское
прирастать
станет Сибирью!» —
предвидел
в давней темени времен
великий помор
Михайло Ломоносов.
Из многих его предсказаний
именно это взяли мы
эпиграфом журнальной книжки,
которая посвящается Сибири.
Сибири —
земле исконно российской.
Сибири —
краю несметных богатств.
Сибири —
площадям величайших
строев современности.
Сибири — месту,
где куется сталь комсомольского
характера.
Оглянись в недавнее прошлое,
товарищ!
Оглянись в историю,
которая на нашем с тобой памяти!
Братская ГЭС,
железная трасса Абакан — Тайшет,
пять линий электропередач —
тех самых ЛЭП,
про которые сложены песни, —
мощные турбины
на Красноярской ГЭС,
Красноярский, Братский,
Иркутский алюминиевые заводы,
Ангарский и Омский
нефтеперерабатывающий,
Новокемеровский химкомбинат,
домаы Запсиба...
Это — сделано.

И вот еще 42
крупнейшие сибирские стройки
объявлены Всесоюзными
ударными комсомольскими.
Тысячи молодых едут
каждый год туда, за Урал.
Работать. Испытать себя
в нелегких сибирских просторах.
Утвердиться на земле.
Оставить после себя след в жизни.
Своими делами,
своим личным участием
приумножить
«могущество Российское».
Мы выпускаем этот номер
«Смены»
в дни, когда страна
готовится к 100-летию
со дня рождения
В. И. Ленина.
Встречая юбилей вождя,
мы рассказываем о Сибири,
о крае,
некогда темном и отсталом,
теперь — озаренном светом
ленинских идей.
Мы рассказываем о героизме
молодых,
об их работе.
О том, как наши современники,
Людмила Ерилова,
Дмитрий Хабарова,
потомки свободных ныне
народов Сибири,
последовательным своим трудом
строят там,
за Уралом,
ЗАВТРАШНЕЕ.

На сорока двух Всесоюзных
ударных комсомольских стройках,
расположенных к востоку от
Уральских гор, трудятся сотни
тысяч молодых посланцев Родины.

При активном участии молодежи за последние годы в Сибири возведено 185 новых городов и 800 поселков.

Пять фонтанов

Пять фонтан из одной и той же скважины, вскрывающей несколько пластов, ударил на Северном плацдарме Томской области.

А ведь эта площадь недавно еще считалась малоперспективной. Обычные методы исследования одной из скважин, пробуренной здесь, результатов не дали. Тогда геологи Александровской нефтеразведочной экспедиции решили опустить в скважину зонд с радиоактивным источником. Прибор отметил большие запасы подземного горючего. Вскоре из двух пластов был получен газ и из двух — нефть. Но это еще не все.

Торпеда, опущенная на глубину 1580 метров, прострелила пласт, и вскоре из скважины выметнулся газ — пятый фонтан, ударивший из одной

скважины. Все фонтаны имеют промышленное значение. Северное месторождение в связи с многопластовой структурой получило название «испещенный пирог».

Городок науки

Еще один город науки родился на сибирской земле: справил новоселье Институт естественных наук Бурятии. Отлично оборудованные лаборатории и мастерские, где можно вести всестороннее исследование по химии, биологии, геологии, зоологии, молекулярной физике, радио и телевидению, расположились в сосновом бору на окраине Улан-Удэ. Рядом началось сооружение комплекса зданий для Института общественных наук и Музея восточных культур.

В последние годы более двух миллионов человек приехало на строительство промышленных гигантов Сибири и Дальнего Востока.

На «трассе мужества» — железной дороге Абакан — Тайшет работало 35 тысяч посланцев комсомола.

На строительстве крупнейшей в мире Братской ГЭС работало 240 экскаваторов, 318 кранов, 3000 автомашин. При строительстве Днепротэза использовалось 12 экскаваторов, 30 кранов, 60 паровозов.

ЛЭП шагает через Обь Озеро в... реке

Небывалый скачок готовятся совершить линии высоковольтной передачи в районе Сургутин здесь началось сооружение крупнейшего в стране перехода через водную преграду. Только главное русло Оби в этом месте разливается на полтора километра.

Вот и решено перешагнуть реку без промежуточных опор.

Зато береговые опоры поднимутся на 188 метров, ибо, как показывают расчеты, провода провиснут над серединой реки на 150 метров.

Новая линия электропередачи свяжет Тюмень с нефтяными районами Среднего Приобья.

Вода в Енисее редко бывает теплее 12—15 градусов, купаться в такой воде охотников мало. Но лето есть лето, и красноярцы, повздыхая на берегу Енисея, собирают чумады и едут на Черное море. Это заставило инженеров из красноярского филиала института «Гидропроект» искать пути «реабилитации» родной реки. И вот что они придумали: надо перегоридить дамбой Абаканскую протоку Енисея, и тогда между берегом Енисея и островом отдыха возникнет озеро, вода в котором будет нагреваться примерно до 24 градусов.

Ну, а чтобы время от времени впускать в озеро свежую воду, в дамбе оставят небольшие «дверки».

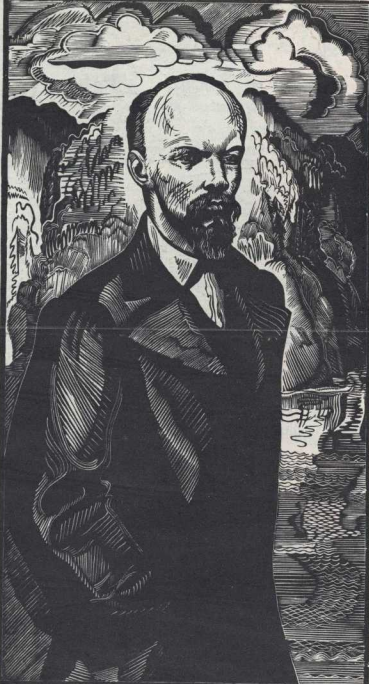
Проект получил одобрение, теперь у красноярцев будет в распоряжении собственное «Черное море».

Золотая находка

На приске имени Билибина в Чукотском национальном округе обнаружен крупный самородок золота. Гусевские бульдозеры царюла камень, блестящий на солнце желтым светом. Механизатор Анатолий Провоторов остановил машину, поднял камень. Он оказался для своего размера слишком тяжелым и формой напоминал ладонь. Рабочий держал в руках золотой самородок. Вес находки — два килограмма тридцать граммов.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

Ленин
И
СОВРЕМЕННОСТЬ

Гравюра Юрия ИВАНОВА

вухтрубный «Св. Николай» шед первым рейсом в Алдский Мину-синск. На верхней палубе стояли «политики».

Они смотрели на горы, некто пахобочившие косматые напихи хвояных лесов, на устье, все еще не освободинившие от снега, и на известую реку, прорывавшуюся сквозь горные хребты и покрывающую ключами пещы.

— Ну, с чем сравните! — спросил Глеб Кржижановский. — С Волгой-матушкой?

— Нама Волга послабее, — отозвался Старков и взглянул на Ульянова. — Как, по-тому, Володь?

— Конечно, слабее. Гораздо слабее. И лиричнее. А Енисей красив своей неукротимой силой. Только очень длиннй, безлюдный. Да и все Сибирь такая. Даже громадная. Оборотлиа пишише, где-то, не дожидая до Оби, есть раздвель Безлюдный. Меткое название! Эх, если бы сюда милоанов десять свободных и грамотных! Они бы преобразили край. Ведь в этих горах, ведь додумать, колоссальные богатства.

— Безусловно, — подтвердил Кржижановский. — Нетронутые ведь! Алш, один золотогошители снимают пенки.

— Енисей-то шумит и шумит! —

сказал Владимир Ильич. — А когда-нибудь люди... — Он умолк. Потом обрвал друзей. — Покрытие такой реки будет возможно только после того, как наша Россия станет свободной...

Так или примерно так могли разговаривать трое друзей 30 апреля 1897 года, глядя на весенний Енисей. Они, безусловно, знали, что в Германии на реках Неккер и Изар уже несколько лет работала гидроэлектрические станции, что построена такая станция на Нижегородском водопаде и что инженеры уже научились передавать электрическую энергию на расстояние.

Страна лежала в непроглядной тьме. Но друзья думали о будущем. И в Шушиском Владимир Ильич выкинул о значении электричества не только в промышленности, но даже в сельском хозяйстве: «...начинается применение электричества, которому, — как указывают социалысты, — суждено сыграть еще более крупную роль в этой отрасли производства, чем пар». А через два года он будет говорить уже об «электрической революции», об эксплуатации «водонадов, каналов и рек для получения электрической энергии».

Вероятно, он вспомнит об этой ре-

ке, когда за чашкой чая на балконе горьковского Дома будет вести разговор с Кржижановским о значении плана ГОЗАРО для будущего расширения социалистической промышленности. Пройдет еще несколько лет, и Глеб Максимилианович примет участие в решении сибирских энергетиков с нафросским первого проекта покорения Енисея.

Дух захватывает, когда вспоминаешь о гигантских шагах электрификации страны, в частности Сибири. Помимо равнью весу 1924 года. Освободился воля от снега, пропмуел ледоход на Оби. И примечательно, что в эту весеннюю пору в Новошколаевске — он еще не был переименован в Новосибирск — собралась Всесибирская партийная конференция.

Была еще очень свежа на сердце боль от безмерной потери Ильича, но предза старого члена партии Михаила Ивановича Калинин, который вместе с Лениным закладывал основы нашего государства, пригласила горечь и придад конференция приподнятое, праздничное настроение. 10 мая делегаты вышли на улицу и направились к берегу Оби. Туда же спешили с красными знаменами и оркестрами колхозные рабочие со всех концов города.

За рекой выдвигалась чапа кустарников, дальше — крестьянские поля, изрезанные межами, и маленькая станция возле деревни Кривошеево, такой же убогой, какой она была в морозный мартовский день, когда там сошла с поезда политический смельчак Владимир Ульянов, чтобы на энках пересечь через Обь. По алду мелаа поймака, с недостроенного железнодорожного моста доносился звонкий стук молотков.

Теперь было ясное небо, высоко плыла белая облака. Из-за реки ветер нес мелодный аромат отцветающей вербы. Строительная площадка на местности всех: собралось около десяти тысяч человек. Михаил Иванович был в белой вышитой рубашке, подпоясавший узеньким ремешком, а помятой кепке. Всероссийский староста, как лобовито звали его, в эту минуту находился на заправского каменища. С мастерком в руках он спустился в котлован — его сопровождали работники крайкома партии и Сибирькома — и положил первый кирпич в фундамент невиданного здания. Потом сказал:

— Буржуазия на весь мир прокричала, что мы проживем накопившиеся ею богатства, что сами мы ничего не можем построить. А что получала Советская власть от царизма? Вот вам

Афанасий КОПТЕЛОВ

пример—Новожиловск. До революции это был грязный затопленный городок, в котором не было даже водопровода. Нам приходится начинать все сначала, и это,—он указал на котлован,—отличное начало: можно строить и разрушать в один миг. Сосис мы с вами осуществляем мечту Ильича.

Играет оркестр. На реке в честь победы гудят пароходы. Все газеты в те дни писали о крупнейшем событии года: подумай только — строятся электростанция мощностью в тысячу киловатт! В целую тысячу! Первая в Сибири!

И было чье-то радоваться: энергетика Новожиловская, столица Сибири, улебезивалась и даласть рас!

Представление о крупных стройках в то время, когда укладывались первые камни в фундамент социалистического хозяйства, было совсем иное. Представление о крупных стройках в те времена, когда укладывались первые камни в фундамент социалистического хозяйства, было совсем иное. Представление о крупных стройках в те времена, когда укладывались первые камни в фундамент социалистического хозяйства, было совсем иное.

И теперь мы уже перестали удивляться тому, что мощность каждой новой электростанции в Сибири исчисляется миллионами. Счет ведется на миллиарды. Так, за прошлый год одна Братская ГЭС дала в объединенную энергетическую систему Сибири 24 миллиарда киловатт-часов.

Мечта Ленина стала былью. Вся Сибирь в сиянии электрических огней. Нас это радует, но уже давно не удивляет.

Чуть ниже того места, где много лет назад воевал «Св. Николай», встал теперь плотина высотой в 130 метров. Виской вылазывает перед бедою прергады. Он уже вращает турбин станция исиловской мощи. Силушка Енисея — шесть миллионов киловатт.

Но вдалеке этой гдариостанции был первой в мире — наши паноитивные поворотки рек уже ломают его сопротивление. ГЭС у Карлова створа в Саянх превозидет дивногорскую красавицу но смелости нижеверных древаний и, главное, по своей титанической силе. Там так же, как при закладке плотины дивногорской (Красноярской) ГЭС, уже сброшен в реку мототворный монолит с надписью: «Мы покорили тебя, Енисей!»

На новой гигантской стройке говорят: — Ленин бывал на нашем Карловом створе. Он приезжал сюда из Шушенского.

Так дан это Приезжал ли? Известно одно: Владимир Ильич порывался сделать с местными колхозниками и в глубине Саянских гор. Но за ним был обещанный полдецкий догляд: стражник с пронизывающей ослепительной силой и вадоре новозилковской рады рада в день. На каждую отлучку требовалось письменное разрешение исправника, и Владимир Ильич был вынужден удерживать себя от заманчивых поездок. Бесформальной любовью к нему вращены многие летевды, и не стоить уже существование, видел как не видел Ильич Карла створ и его створ ииности. Права был поэт Игитай Роджественский:

Что спорить: был он здесь или
не был —
Он с нами здесь, он вечно здесь.

Да, Ильич был с нами, когда мы воздвигали ГЭС на Обь и на Енисей. Вспомни. Он был с нами, когда мы

строили Назаровскую, Белуюскую, Междуреченскую и многие другие тепловые станции Сибири, которые по своей исиловской силе были равны родным сестрицам ирвадженской ГЭС. Источники энергии, электричества, изумивший мир, восходят к его имени. Без электрической режы, порожденной створу, невозможно просторы Сибири, немалые современные наци и заводы, в особенности такие, которые воздвигаются в окрестках дивногорской электростанции. Потому-то и записали с глубоким сердечным волеием и сыновней благодарностью красноярские алюминщики свой рапорт в книге посетителей Шушенского Дома-Музея:

«Дорогой Владимир Ильич! Докладываем Вам о большой радости в нашей жизни: востановился и возобновился в строителстве Красноярского алюминиевого завода сдержал свое слово, давное Вам в эстафете трудовой славы. Родина воздвигла первый крапосярский алюминщик».

В двадцатых годах Новосибирск назывался не иначе, как «Сибичкаго». Для этого была внешняя осваивание. Но темная нота, если сравнить первые десятилетия со дня основания, Новосибирск не уступал Чикаго, второму по величине городу США.

Однако провинцию не привлекало. И это не случайно. Рос и мужал город современно много внутреннего существа. И вот стоит он над половиной Обью, ухватывая мур. Молодой, силекая, крапосяр, рабозный. Уже несколько лет назад он встал в число городов с миллионным населением.

Города — рабозный. В фартуке камешки и сандрже металлурга, в белом халате сборщика точных приборов. Он прокатывает стальную ленту и свирякает трубы большого диаметра, вылазывает чистейшее в мире олово и джает селадки, монтирует опоры для линий электротрансформации и собирает радиопеременники. Он свивает монеты турбинами и турбинами. И каждая электрическая сераде, создаваемое здесь, в шесть раз превосходит мощность Волховской ГЭС, строительству которой всерхски сподобствовался Ильич, радовался и ждал ее завершения.

Сынотий Новосибирск является некрополем, помниваемый скором Героями Революции. Под семью метрами и елей там сит вечным сном в братской могиле сто четыре бойца за дело свободы. На братской могиле да — символы величия. Помню, как открывали его. Оркестр исполнил «Мы жертвою пали». Раздался ружейный салют. Артопулю серое покарало, ирвадженское ступало, и вадю можно памятника, и мы увидели бетонную скалу, разорванную силой бронебойной рабозной руки. Она вметнувалась из глубины той самой Саянкой фаяка с зыствием на ветру камениым панамемем.

И створю на фаяке, всжмтый вадю на фове павию, отбразоженого боевой парадной ослепало, и это пламя представляется словом Ленина, огненным призывным словом, ирвадженским все вражеские прергады, чтобы зиды в глубине той самой Саянкой создавая свои бесмертные мысли, вскопальнуть вадю и новости его черные военные побудки к ирвадженскому створу, ирвадженским людям сласть и превратившим Сибирь в край мощной индустрии, крупного сельского хозяйства и ирвадженской ваку.

г. Новосибирск.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основа в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 20 (1010)

ОКТАБРЬ
1969

Наша обложка: сибирские первопроходцы.

Фото Виктора САККА

6

«РАБОЧЕЕ ПЛЕЧО РОССИИ». Публицистические раздумья писателя ГАРИЯ НЕМЧЕНКО о Занисе — его прошлом, настоящем и будущем.

12

Очерк спещора «СКИПИЛ АЛЕКСАНДРА БОГУЧОВА «ВАЛЬКИНА ГЕБА», посвященный сибирским геологам.

16

«СИБИРЬ В ПРОФИЛЕ И АНФАС». Фотоэссе о тех, кто освещает сибирские просторы.

24

ЛЕОНИД МАРТНОВ. «ЛУКОМОРЬЕ». Открыток исторической повести о прошлом Сибири.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА АДОЛЬФА ДИХТЯЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

ФОТОЧЕРК О РАБОТЕ ВИЛЬНСКОГО АРХИТЕКТОРОВ И СТРОИТЕЛЕЙ.

«ТАНКОВАЯ АТАКА». СПЕЦКОР «СМЕНЬ» НА ВОЕННЫХ УЧЕНИЯХ.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОНЦЫ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Куришов, А. С. Лавров, А. А. Лизин (заместитель главного редактора), С. И. Рубинков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник)

Художник Г. Терзибашинц Технический редактор Г. Степанова

МИХАИЛ
АЛЕКСЕВИЧ
ЛАВРЕНТЬЕВ

академик,
председатель
Сибирского
отделения
Академии
наук СССР

СПАРТАК
ТИМФЕЕВИЧ
БЕЛЯЕВ

академик,
ректор
Новосибирского
государственного
университета

АНДРЕЙ
АЛЕКСЕВИЧ
ТРОФИМУК

академик,
первый заместитель
Председателя
Сибирского
отделения АН СССР,
директор Института
геологии и геофизики

Можно сказать в двух словах: Сибири через 30 лет станет благодатной землей. Энергетически — это самая мощная область страны. Ее недра необычайно богаты полезными ископаемыми. Юг Сибири — не только источник минералов, пригодных на топливо для нормального проживания людей, но и для развития сельского хозяйства, которое полностью обеспечит продовольствием потребности сибиряков.

Но мне хочется сейчас сказать не просто о Сибири будущего, а о будущем сибирской науки. Я не только потому, что сибирская Академия деятельности мне ближе всего, но и потому, что равнозначное развитие этого аргумента по сравнению края, полного освоения его богатств станет возможным только с внедрением новейших научных достижений в народное хозяйство.

Чрезче чем заглядывать на 30 лет вперед, сравним сегодняшние научные силы Сибири с теми, что были здесь 30 лет назад. До войны в Сибири работала одна членкорреспондент Академии наук СССР. Сейчас в институтах СО АН СССР руководят научными исследованиями 22 академика и 45 члена-корреспондента. Теперь в Сибири будут обмениваться опытом крупнейшие ученые многих ведущих научных учреждений страны, введенных в состав Академии. На 12 лет существования Новосибирского Академгородка во всех его научных-исследовательских институтах введены большие работы. Выдут ряд принципиально новых технических идей, которые реализуются на новейших научных достижениях.

Думаю, Сибирскому отделению АН СССР повезло, что в Академгородке появились «центры науки».

Всегда создавать новое на голым месте легче, чем на обитом: не дают тяжести традиции, примеров. В этом отношении у Сибири преимуществ перед другими районами страны при строительстве новых городов и очагов культуры. Разумеется, у сибирского народа.

Через 30 лет весь сибирский север будет оснащен современной техникой с минимальными количеством обслуживающих ее высококлассифицированных специалистов. Здесь люди будут работать определенное время, потом уездают на юг, откуда на их место придут сменщики. На юге Сибири будет жить основное население, потому что обеспечит себя всем, что требуется для хорошего уровня жизни неравномерно, неудобно, глупо. Север будет давать сырье — нефть, газ, металлы, которые будут перерабатываться на промышленных предприятиях юга.

Эти промышленные предприятия дадут жизнь нескольким новым индустриальным центрам, в которых будут построены научные центры, подобные нашему, Новосибирскому. Понятно, что условия жизни в таких индустриальных центрах будут способствовать созданию новых научных кадров, а затем и созданию нового человека. Но особенно плодотворными будут для молодежи, которая поселится в науку.

Интерес к проблеме внедрения достижений науки в жизнь очень велик и сейчас очень будет расти, и это повлечет в науку и технику новые кадры. Многие ученые, имеющие способности, но малые и лучше использовать способности молодежи. Мы провели много научных экспериментов, которые позволяют нам делать выводы по селекции среднего и высшего образования и по отбору будущих специалистов с учетом их способностей, успеваемости, образованности, но и по одаренности в той или иной области знания, чтобы обеспечить им по возможности лучшие условия развития таланта.

Внедрения науки наших дней находится сейчас в начальной стадии. Но через 30 лет они получат полное развитие. Они помогут рационально готовить людей и будущий деятельности согласно их способностям и силностям с детства возраста, поэтому говорить о необходимости введения селектора уже сейчас мы готовимся провести подобных экспериментов.

Думаю, что в двухтысячном году мы сможем каждому человеку предоставить возможность развития всех его сил, способностей, талантов, склонностей или инстинктов. Это не только улучшит условия жизни всех людей, но и поднимет общую культуру Сибири, объединит ее вклад в общую культуру человечества.

Когда говорят о Сибири и ее освоении в будущем, почему-то атомной энергетике отводится второстепенная роль. Логична претензия в крад с месячными запасами нефти, газа, угля, с мощными реками, богатством для строительства гидроэлектростанций, ядерной энергии соперничать с ними труднее. Она пона дороге. Ее эксплуатация требует особого строительства.

Удобными для строительства гидроэлектростанций, ядерной энергии соперничать с ними труднее. Она пона дороге. Ее эксплуатация требует особого строительства.

По-моему, такое мнение рождено тем, что чаще всего специалисты не всегда успевают следить за бурным развитием ядерной физики. Физики могут увидеть «призрачный» аспект в новейших теоретических достижениях. Начальники же дорожных атомной энергии — старший техник. Стоимость строительства одной из крупных АЭС уже сейчас почти одинакова с стоимостью на обычных станциях.

Но стоимость иловатых агрегатов, отпущенного станцией, не самое главное, куда речь идет о Сибири (особенно север) с ее огромными расстояниями и малой освоенностью. Одним делом обходится строительство коммуникаций для передачи энергии или транспортеров горючего для получения ее: ЛЭП, трубопроводы, железные дороги. Поэтому даже сейчас электроэнергия атомных станций в этих условиях рентабельна.

И уж действительно нет конкурентов у атомной энергетике по компактности, мобильности, удобству эксплуатации. Сейчас модно споры о том, как ославить богатства Сибири. По-моему, сначала нужно думать о безопасности. Сейчас модно спорить о том, как ославить богатства Сибири. По-моему, сначала нужно думать о безопасности. Сейчас модно спорить о том, как ославить богатства Сибири. По-моему, сначала нужно думать о безопасности.

И тогда атомная энергия станет незаменима. Но временную помощь за тридцать лет, а не за столетия. Подвижные АЭС будут обеспечены и геологическими партиями. Это повысит производительность труда геологов, создаст отличные условия при их работе в поле.

И думаю, что в двухтысячном году мы научимся не только использовать, но и создавать, а также подхозивистических целях реакции ядерного синтеза.

После автостроенного исследования плазмы этот процесс сейчас ясен теоретически. Но практически его использование — дело не простое. Сложно говорить о срочном строительстве установок по использованию энергии ядерного синтеза.

— Это может случиться каждый год, — говорят оптимисты об управляемой ядерной реакции синтеза. — Нет, на это уйдет 10—15 лет, — спорит с ними пессимисты. Как видим, даже максимальные сроки укладываются в границы нашего века. Что это даст людям, в том числе и Сибири? Опыт этого трудно не сделать. Легче заглянуть в историю ядерной энергии, чтобы увидеть ее потенциальные возможности распределения атомного ядра. Реакции деления в природе не наблюдали, поэтому новое явление было открыто в лаборатории искусственного тоже. А сегодня, уже через 30 лет после этого открытия (по наступлению АЭ), в нашей стране уже в серии работают атомные электростанции (первой — в Обнинске). Прозреет народ и в будущем подводных лодки с ядерными энергетическими установками. Изотопы нашли широкое применение в промышленности, медицине, сельском хозяйстве, геологии — самых различных отраслях народного хозяйства. И это только начало. Можно ожидать и других грандиозных перспектив, которые откроят перед человечеством управляемые реакции синтеза. И самое большое преимущество они найдут в Сибири.

О недавнем времени Западно-Сибирская низменность, занимающая одну седьмую часть территории СССР, была известна только нешироким обзорными горизонтами: богатствами леса, энергии рек, рыбы. Строительный инициативы, постоянный уровень связи сообщения и, как следствие, установившийся уровень освоения этих богатств сдерживали их использование. Мировым событием последнего десятилетия, существенно повысившим ценность всех этих богатств Западно-Сибирской низменности, явилось обнаружение под ней «золотой» подпочвы — несметных богатств природного газа и нефти.

Теперь уже для всех очевидно, что этот район селен по своим запасам нефти и газа представляет самый крупный нефтегазоносный бассейн во всем мире. К счастью это открытие оценено высоко и международными организациями, не говоря уже о наших поисковиках и геологах. Это и не удивительно. На огромном пространстве почти в 50 тысяч километров сорок миллионов квадратных километров за последние десятилетия разведано почти 20 миллиардов тонн и Уренгосинское газовое с запасами более пяти миллиардов кубометров. Последние уже сейчас представляют собой самую крупную на планете.

Но выявление месторождения — это только первое из тех сотен и тысяч месторождений, которые будут таиться в недрах Западно-Сибирской низменности.

Очень перспективны в отношении газа и нефти и малоселенные территории Западно-Сибирской низменности, открытые мощным мезозойским чехлом. Можно ожидать открытия многих крупных месторождений нефти и газа и на дне Карского моря. Если учесть, что все эти богатства открыты и будут открыты в последние годы, становится яснее, что постоянное выявление открытия, которые ожидают геологов в ближайшие тридцать лет, имеет странное объяснение. Оно связано с тем, что к 1980 году Западной Сибири производят нынешний уровень нефтегазодобычи, достигающий уже 10 миллионов тонн, а на территории Западно-Сибирской низменности потребности Урала и свои собственные, не полностью покрывает добычу. Это требует еще во много раз увеличить разведанные месторождения, а выбирать лучше из лучших.

Но пока что речь шла об открытиях хоти и новых, но доказанных, апробированных ими, во всяком случае, о районах, перспективности которых беспрекословно доказаны. И в отношении западных частей Сибири, где выявлены возможности в отношении Западно-Сибирской низменности провинции, страна должна иметь свои собственные запасы нефти и газа, по крайней мере, в количестве, достаточном для удовлетворения своих потребностей. Это не означает, конечно, что ресурсы Сибири должны быть направлены только на удовлетворение потребностей Сибири. Но если учесть, что в отношении Западно-Сибирской низменности выявлены возможности в отношении Западно-Сибирской низменности провинции, страна должна иметь свои собственные запасы нефти и газа, по крайней мере, в количестве, достаточном для удовлетворения своих потребностей.

В ближайшем времени мы ожидаем крупных открытий в области геологии, геофизики, геохимии, петрологии, сейсмологии. Эти открытия будут открывать огромные запасы нефти и газа не меньше, чем в Западно-Сибирской низменности. Достаточно будет выявлены открытия в области геологии, геофизики, геохимии, петрологии, сейсмологии. Эти открытия будут открывать огромные запасы нефти и газа не меньше, чем в Западно-Сибирской низменности. Достаточно будет выявлены открытия в области геологии, геофизики, геохимии, петрологии, сейсмологии.

Конечно, в биологии найдут в Сибири новые молодые цветные металлы, угля, другого сырья, необходимого для развития народного хозяйства нашей страны. Можно ожидать пользоваться термальными водами. Но все-таки на поисках нефти и газа лучше говорить прежде всего как о крае нефти и газа.

**ГУРИИ
ИВАНОВИЧ
МАРЧУК**
академик,
заместитель
председателя
СО АН СССР,
директор
Вычислительного
центра

**АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ
АГАНБЕГЯН**
член-корреспондент
АН СССР,
директор Института
лионидии и
орудий
промышленного
производства
СО АН СССР

Сибирь в 2000 году. Какой представит она себе видные сибирские ученые?

Сибирь двухтысячного года представляет себе иначе, сложной, полностью автоматизированной организацией промышленной личности и народного хозяйства.

Как математик, я понимаю под автоматизацией прежде всего автоматизированное управление крупными промышленными объектами, процессами, технологическими потоками, которые будут составлять основу этапа развития нашего общества. Главными орудиями производства станут самонастраивающиеся на оптимальный режим автоматы.

Как было раньше? Рабочий-станочник, получая задание и технологические инструкции, делал, выполняя строго по ним. Вторую деталь он уже не делал, как первую, а, если что-то вышло не так, делал, выходя из автоматического режима, который обеспечивает максимум производительности труда и качества продукции.

На помощь рабочему сейчас пришли автоматы. Это новый шаг в прогрессе. Но давайте проанализируем технологический цикл. Инженер разрабатывает теперь программу, то есть технологическое задание для станка-автомата, это задание в виде перфокарты вводится в станок, и тот начинает производить операции в соответствии с программой. Он делает десятки, сотни и тысячи деталей согласно заданной программе. Но может случиться, что по lapse в технологическом процессе обнаруживается ошибка в программе.

Эффективный режим, который позволит сэкономить металл, энергию, время, инструмент. Но тогда опять же возникает вопрос: как замкнуть процесс? Таким образом, новый этап и новый уровень техники — это автоматизация технологического процесса, а станку, на котором работает человек, нет. Электронно-вычислительные машины создали новые возможности для высшего уровня организации автоматизированного производства.

Великим это не привнесло? Но теперь и автомату присвоилим ЗЭМ. Начальное технологическое задание дает все тот же инженер. И опять он сначала не оптимально. Но густо, теперь пришла на технологико изготовление образца заданно на основе задания номера ЗЭМ. Это точность, замкнет перфорацию в предыдущем примере? Как и прежде, станок следует приказы и выполняет операции. В процессе изготовления детали специальные датчики регистрируют все основные параметры технологического процесса: скорость вращения шпинделя, температуру, подачу режущей жидкости, вибрацию и т.д. Эти данные анализируются. Изготовляя следующую деталь, ЗЭМ по заранее заданной программе мучительно ищет наиболее оптимальные параметры, но изменения эти происходят в пределах допустимых зон. Автоматический режим, снова направляющий информацию о нем в «память». Машина сравнивает два результата и находит, что второй вариант лучше.

Этот процесс продолжается и дальше, пока не достигнет заданного значения. Значит, параметры уже не приводят к ухудшению. Тогда машина может известить другого человека, который должен вмешаться в процесс. Матричная технология. Наконец после большого количества таких циклов наступает момент, когда матрица технологического процесса уже не приносит его улучшения. Значит, ЗЭМ настроена на оптимальную работу.

Сначала станция плюс ЗЭМ, затем технологический процесс, затем человек. Экономичный режим, еще и сирий, работающая в оптимальном режиме, когда человек вмешивается в процесс только в исключительных случаях. Матричная технология. Мы рассматривали одну простейшую задачу — изготовление детали. Матричная теория и теория исследования операций в особенности позволяют методами математического анализа выходить на оптимальный режим. Все это создано наукой.

Как осуществлять эту программу, требуется создать в Сибири мощную сеть вычислительных центров, привлекать экономичные кадры. Они будут не только решать огромные задачи научно-технического характера, но и обеспечивать обслуживание, как электронное, телефон, телецентральный.

режде чем говорить, какой будет Сибирь через 30 лет, посмотрим, что она представляет в экономическом отношении сейчас. Это огромная площадь, где проживает двадцать миллионов человек, которые производят почти десятую часть общенационального дохода. Но значение Сибири относительно сводится и этим весьма процентам, так как только процентами нельзя верить роль чего бы то ни было. Важно — канон, материально-энергетическое содержание этих сибирских процентов. А оно очень высокое. Сибирь имеет повышенное долю в производстве электроэнергии и энергоемкой промышленности, а они определяют лицо технического прогресса. Намедни треть тона металла в стране вылавливал на угле Кузбасса. Сибирь производит не только металл, но и цветные металлы, машины и приборы, значение которых трудно переоценить. У нас теперь уровень производительности собственного труда (производство национального дохода на одного трудящегося) в 15 процентов выше общесоюзных показателей.

Какой же будет эта огромная область через 30 лет? Сначала по масштабам. Намедни 7—8 лет продукция Сибири будет удваиваться. Значит, и 2000 году она вырастет раз в 15. Другими словами, здесь будет создан народнохозяйственный потенциал, превышающий тот, что имеет сейчас вся страна, и тем не менее Сибирь двадцатилетней давности не будет похожею на нашу страну, как сейчас переиспользу на 30 лет вперед.

Совсем иной, чем теперь в стране, будет в Сибири структура производства. Обеспечивать потребности населения в административных и бытовых услугах техническим уровнем. Нынешние производственные мощности Сибири производят в 5—6 раз количество рабочих рук. Но это больше запасы эффективного и дешевого топлива. Первое место, безусловно, уйдут отады нефти и газа. В районе Западно-Сибирский уменьшаются сконцентрированы такие запасы, что через тридцать лет здесь будет создан комплекс, мощность которого превысит нынешнюю добычу нефти и газа в совокупности капиталистических государств. Выведенная и трансформированная нефельная дорога, нефть попутно по нефтепроводу на восток для экспорта. Но главное — она породит гигантские нефтяные и химические комплексы. Эти комплексы, которые выйдут всего размещать в южных районах Сибири.

Члены Бюро Сибири и углем (который в энергетическом балансе этой краи можно поставить вторым по значению) богатая залежами. А это база будущей металлургии. Сейчас освоено по-настоящему только Западнй Кузбасс. Восточная часть этого района богата залежами, и их можно добывать открытым способом или неглубоким подземным. Залежи газа, в частности — Канско-Ачинский бассейн. Залежи углей — в основном по калорийности, и они тоже богаты. Это особенно удобно, расположенные вдоль трансформированной нефтепроводной системы. Удобен добычу (до 20—30 копеек за тонну). Через тридцать лет эти угли будут добывать по 40—120 миллионов тонн в год. Уголь станет сырьем для химической промышленности. Уголь не поступает десяткам ГЭС, которые и более миллионов киловатт при стоимости строительства в тридцать раз дешевле.

И еще одним видом энергии будут Сирий — энергия рек. Гидроэлектростанции, бурия для величия. Но и 2000 году прогресс машиностроения будет связан с созданием крупных городов будут вызывать пиковые нагрузки, и строительство ГЭС будет оставаться в приоритете. Сибирский продукт Сирий через 30 лет несильно преобразуется. Сибирь будет производить электроэнергию этот край даст в несильно раз больше, чем Советский Союз.

Вот эта мощная энергетическая база вместе с огромными запасами пресной воды и Сирий для промышленности и сельского хозяйства. Пресная вода не случайно поставлена на первое место. По своему значению развития

народного хозяйства она идет вслед за энергией.

Разработка и использование богатств Сирий — это прежде всего создание замкнутой базы в технической базе. Тут огромную роль сыграет юг этого края и уже сложившиеся промышленные центры, расположенные вдоль трансформированной мезелюзорной магистрали.

Сибирь Сирий машиностроение мало связано с местными запасами. Три четверти его продукции вывозится в другие районы страны. А большинство нужных машин и механизмов изготавливаются в других областях, с иными климатическими условиями, или зачастую отпадают суровыми требованиями (природным и геологическим) здешних мест. Что нового увидим мы в машиностроении Сирий 2000 года? Несильно автомобильных комплексов, которые будут выпускать машины в серийном исполнении.

Дорожное машиностроение, учитывающее суровые условия и огромные расстояния края. Нефтяное, энергетическое, горное машиностроение создадут новые уникальные образцы.

Производство машин для лесной промышленности, тракторный и сельскохозяйственный машиностроения.

Освоение какого-либо края прежде всего начинается транспортом. Поэтому никак, чем сейчас, будет выглядеть и мезелюзорная сеть Сирий. Нам же будет заселена Сирий к 2000 году? Ура, население не удивится, но это не будет край сплошного освоения с большой плотностью. Особенно север Западно-Сибирский. Там, где сейчас здесь страна, и через 30 лет человек уже не будет там селиться, а будет только использоваться для промысловых условий. Поэтому гигантомания — создание на севере крупных городов уже 200-тысячного. Сурга — экономический неопределенный. Север будет добывать сырье для переработки, обработку, затем его глубоко переработают в других районах. Правда, и для добычи потребуются создавать заводы, промышленные очаги. Но это будет делаться по-иному, чем теперь. На юге будут созданы заводостроительные комбинаты наподобие нынешних доменных, коксовых. Они будут строить из блонов завод, который останется только перевести на север и смонтировать.

Юг станет областью сплошного освоения. Тут, кроме нынешних областных и краевых центров, вырастет несколько городов с населением более 500 тысяч: Тобольск, Тайшет, город в Саянах.

Вся промышленная мощь Сирий будет сосредоточена в южной и юго-восточной частях.

Западно-Сибирский измненность станет специализироваться на переработке нефти, газа и леса и создании машиностроения, строительной индустрии для их добычи и химии как глубокой переработки. Это район выборочного, очагового освоения. И только на юге — сплошного.

Восточная Сибирь и юго-восточная Сибирь. Алтайский край — станет углеметаллургической, машиностроительной и химической базой всей Сирий. Юго-восточная Сибирь — химия, но и конкиссия. Здесь же вырастет и агролесное и производственное и предпринимательского потребления для всей Сирий. Это район сплошного освоения.

Энергопромышленный комплекс центральной Сирий. Юго-восточная Сибирь — алюминий. Братск, будет производить алюминий и цветные металлы, грубую переработку леса и химическое производство органического синтеза. Здесь будет создана новая металлургическая база.

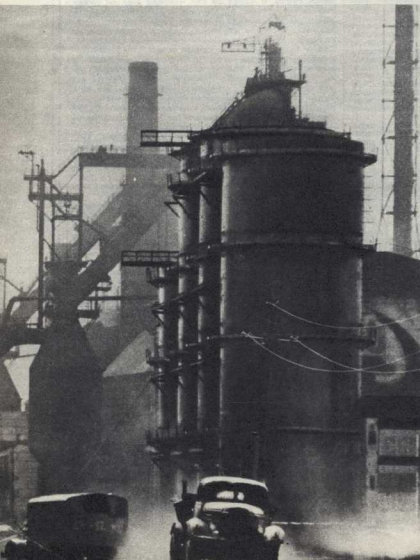
Специальной четвертого, забайкальского, района станет цветная металлургия, основанная на добыче и переработке железной руды. Кроме того, здесь разовьется машиностроение, сельское хозяйство и производство предметов народного потребления.

Такой будет Сирий через 30 лет. И все перечисленные достижения станут ступенями и дальнейшее освоение не смежных территорий.

РАБО РО

*Они выстроили
Запсиб
и этот
современный город.
На одиннадцать
тысячах
кожмошьских
пугвоек,
сданных
за последнее
десятилетие,
стояло:
Новокузнецк,
Запсиб.*

*Было время,
когда
не хватало всего —
ископавшего,
валенок,
кошек в общезнаниях.
В избытке
лишь одно —
жадные желания
строить...*

Альберт Мифтахутдинов — участник V Всесоюзного совещания молодых писателей. Живет в Масадаче. Хорошо знает сибирский север, потому что извездил его с геологами, шоферами, охотниками, можно сказать, едой и поперек.

СТАРИК И ЧУНДРА

Альберт МИФТАХУТДИНОВ

РАССКАЗ

Утоюк был справедливым человеком. И когда его упряжная сука Тильда родила шесть черных глянцево-комков и четыре из них тут же умерли, он взял одного щенка и отнес его пачальной лайке Чёны, потому что у той умерли все. Все щенки, которых она родила три дня назад.

Утоюк не понимал, в чем дело.
— Ты был собаке, когда они были беременны, Утоюк. Ты не хотел этого делать, Утоюк, но ты это делал.

Утоюк жевал табак и меланхолично сплевывал.
— Да — сказал он.

Зря я его сбивал и зря затеял новую ссору. Не лезь со своим уставом. Я гонусь Утоюку в сынава, в младше сынава. Но Чёны (так называл Черную Утоюк) — моя собака, я ему ее подарил, потому что она была настоящей собакой, она всегда знала мое настроение, но дарить принято только настоящие вещи, а у меня ничего не было, чем бы я так дорожил, и я отдал ему Чёны, потому что знал, что Чёны все равно моя и все равно она обо мне скучает. Вот почему я всегда приезжал к Утоюку, даже если мой путь лежал совсем не в ту сторону.

Чёны всегда узнавала меня, я кормил ее с рук, и сейчас, услышав мой голос, она высочилась, уперлась передними лапами мне в живот, моргала слезливыми глазами.

Может быть, Утоюк ревновал Чёны? Тогда почему Тильда оценилась мертвыми? Нет, он их был одиноким.

В тот вечер мы поспорили с Утоюком. Когда он кормил упряжку, мне показало, что куски жира были маленькими. Рубленные тушки песцов и колбаски! Жиры в одной миске, нерпичий жир в другой. Мясо песцов не еда, это был не от хорошей жизни, собакам нужен жир, и Утоюк мог бы сделать куски побольше. И я демонстративно стал кормить отдаленно Тильду и Чёны.

Утоюк обиделся. Это было видно по его напруженному молчанию.
— Не долго молча не высидишь, и пришлось идти на поляны!

Но надо сказать, Утоюк. Упряжка хорошо работает, не надо жалеть мяса. У тебя ведь еще есть неоткрытая яма. Там целый морж, я знаю. Чего ты жмешься!

Рисунок Владимира ЮДИНА

— Нерпа совсем не ловится... — тихо роняет он.
— Скоро льды уйдут, кромка будет близко. Будет и нерпа.
— Зима плохая... ты знаешь... Весна тоже плохая будет...
Зря я сую нос куда не надо. Мне неловко и хочется поощрить старика:

— Но ведь охота у тебя хороша! Песцов больше, чем у Тымкуева, я заказал к нему.

Утоюк молчит. Тымкуев его конкурент. Тымкуев его сосед по участку, в журнале километров его избушка.

От известия лицо старика не изменилось. Но я знаю — Утоюк доволен. Если он обогнал Тымкуева, значит, он в колхозе обогнал всех.

— Умкэта гатагыгаланет айнамытмы! Эт... этки!

— Сколько!

— Шесть...

— Ты его видел!

— Ваневан... нет... не видел.

— Мы убьем его, обязательно, — успокаиваю я старика.

Старик кивает головой. Спрашивает:

— Поедем вместе!

— Конечно!

— Завтра, — говорит Утоюк. — Я следы видел. Догоним!

— Хорошо.

Вот мы и помирились, теперь у нас общая забота. Теперь можно долго пить чай и выкладывать все новости с момента последней нашей встречи.

— Ты долго не приезжал, — начинает Утоюк и ждет.

— Я был в отпуске. На берегу реки. В тайге.

— Охотился!

— Отдыхал. Рыбу ловил. Немного стрелял. Видишь, поправился как! — И я хлопаю себя по животу. Утоюк смеется.

Больше всех разговоров любит старик рассказы про охоту на зверей и птиц, которых он никогда не видел, на которых сам не охотился. Он выписывает журналы «Охота и охотничье хозяйство», но по-русски не читает, а редкие его гости знают, что на второй день их жизни в избушке старик достанет компьютер и рисунки невиданных зверей.

Моя старик любит за то, что во время чтения я часто отвлекаюсь и скучную специальную статью расщепляю придуманными подробностями из других когда-то читанных книжек и историй, рассказанных мне дру-

¹ Кислое моржовое мясо, мороженое мясо из ямы.

² — Шесть песцов медведь разорвал... плохо... (чух).

глыми или слышанными уже не помню же. Я даже подозреваю, что однажды на одну и ту же статью да читал несколько, и теперь его автор основываясь на мне, и мне читать приходится больше, чем остальным.

Но сегодня я читать не буду. У меня есть что рассказать. Я провел отпуск в тайге, где Утоюк никогда не был, и ему многое будет интересно. И про толкового глухаря, и про самую вкусную рыбу в мире — калугу, и про драку лодок, и про черепаш в зоомаргине — это штука в одной ванне, и про тигра, в которого стреляли сразу четыре охотника. Шкуру они развезли, а мясо съели. Оно было невкусным, а охотники — трусы.

- И они все в него стреляли!
- Да, все четверо.
- Совсем, наверно, шкуру испортили!
- Очень испортили.

Утоюк жал тигра. Старик уважает сильного зверя. Вот в прошлом году после распада лесов в двух тундрах капканы. Потом еще раз пришел и снова распадались капканы. Но их съедает, а остатки шкуры аккуратно складывает в кучу. Многие волки так делают, и это невозможно объяснить. Он был старый сильный самец. Такого большого Утоюк никогда не видел. Волков в тундре очень мало, и последние пять лет Утоюк вообще их не видел. Какое животное, сорот отпугнул, наверно, с него, из тайги. Старик уважал его и убил одной пулей.

Некоторые учки посылают приманку стеклом, и медведь долго мучается. Утоюк никогда так не делал, и Тимкувье за это он не любил. Тимкувье так замучил двух медведей. Тимкувье отказывает собак из упрямства, а потом выходит из упрямства. Собаки съедает, а остатки шкуры аккуратно складывает. Старик сначала разговаривает с медведем, объясняет ему, почему он вынужден его убить, потом стреляет. Он стреляет хорошо, и ему не надо много патронов.

Утоюк никогда не видел тигра. Но он знает, что это самый сильный зверь, даже сильнее uomo — Белого Медведя, значит, нельзя убивать его, когда вы сильнее, когда вас четверо. Лучше выходи один на один, и тогда будет ничья, а это значит поражение человека, потому что тигр уйдет, потому что он не надежд, это все розскиан, нападает только бенгальский людоед, и то потому, что ему ничего другого не остается. Даже волки — и то нападают только стаей.

- Они, как волки,— говорит старик об охотниках, убивших тигра, о тех четырех браконьерах.— Ты их видел, да?
- Да.
- И ты ничего не сделал?
- Было поздно.

Утоюк и так знает, что одному против четырех вооруженных ничего не сделать, даже если они трусы. И он все же спрашивает:

- Почему?
- Потому что тигр был уже убит. Что ни делай, а тигру это уже не помогло бы.

Но старик хочет справедливости:

— Их наказали!

- Они заплатили штраф. Большой штраф. Много денег. Примерно столько стоят все твои песцы.
- О! Это хорошо. Ведь тигр людям ничего не делает
- Ничего. Он живет в тайге и никому не мешает.
- Пусть живет.
- Пусть.

Очень дрянную комбинированную шкуру тигра директор магазина по знакомству устроил моему товарищу, с которым я вместе жил в тайге. Товарищ оставил тигру стеляющие глаза, сделал ему оксаленную пасту и укрепил деревяшками голову и шею. Но искусственные глаза и оксаленная паста не гармонировали. Тигр никак не получался злым. У него была какая-то кривая, недоуманная улыбка. Как будто он чего-то не понимал. Маленькая дочка моего товарища Аленька совсем не боялась зверя.

- Аленька, что твой любимая игрушка!
- Тигруша.

Она вальсала на шкуре, обнимала его голову ручонками, принималась к его голове щекотать. Я подальше чувствую белки, но белку она не любила. У нас в тайге тогда было много белок. Есть их можно только тогда, когда утешаешь только что из кострища. Холодные они слизкие, невкусные. А из белчьих желудочков очень хороши шашлык. В желудках много орехов, мы наизымали их на самодельные шампурки и жарили на углях. И рассказывал товарищу о прелестях чукотской куньи, о том, как готовит верт Утоюк, когда я приезжаю к нему в гости.

Старику известны все премудрости древнего стола. Он никогда в одной кострище не будет варить оленину и медвежатину или оленину и утку. Их мешать нельзя. Медведя с уткой можно, нерту с медведем можно. Мясо с медведем можно с зайчатиной. Так заведено предками. И путать нельзя. Как нельзя убивать бурого медведя, Бурый медведь у скимсов священен. Считается, он пришел на землю от верхних людей. Он сам — верхний человек, только в другой одежде. И если уж пришлось, то его убить, надо хоронить, как человека. У тундры свои обычаи, у него ремья — свои. И когда мы с Утоюком появлялись в поселке, мы тоже живем по своим законам. И туда, где взяли мясо, не идем за солью, а там, где взяли соль, не просим хлеба.

Утоюк думает о медведе.

- Мы пойдем к нему завтра! — еще раз перед сном спрашивает он.
- Пойдем.
- Ты будешь стрелять,— говорит старик. Это значит — он мне его дарит.

О

День полон солнца, но морозен. Все-таки скоро весна. Неадекватность ее в зроне лодки стеклянн хвост, в спелаяй близине торосов, в осорбе запахе ветра, когда он идет отсюда, с океана. Наши капканы в море, в торосов. Мы уже сняли два лесца.

Собаки идут хорошо, у нас и у товарища хорошее настроение.

- Скоро кончится сезон,— говорит Утоюк.

Я знаю, на что он намекает. Скоро кончится время охоты на песцов,

и нему придет гости — Тимкувье придет, председатель пришел vezet до и сам, наверно, придет, придет чучки с других дальних участков, и состоится праздник окончания охоты. В прошлом году я был на таком празднике. К его началу собираются загора, как только придет вездеход или трактор с продуктами на сезон, как только добывается первый песец-трактор. У первого песца Утоюк отрезает хвост, уши, лапки. Можно и целиком его оставить — это не меняет дела. Из ящика с чаем остается первая плитка чаю, из других ящиков — первая банка студеного молока, первая банка сливочного масла, туши оленя — первый кусок, лавка. И все это хранится до окончания охоты. Хранится и череп все добытых песцов. Черепна ставляются на снегу в треугольник, как шары на бильярдом столе, во главе этого треугольника череп песца, который пришел в капкан первым. Его ящики выставляют жюри, а в ящиках лежат кусочки мяса. И капканы, которые работали в этом сезоне, лежат в отдельной куче. На них тоже кладутся кусочки мяса. Горит небольшой костерок.

В стороне гости выставляют в линию свои подерки — ставить можно все, что ты решил подарить: консервы, отрез на камлеву, связку кожаных вещей, нерничью кожу, что-нибудь из посуды — любовь. Участник соревнований бежит до мыса и обратно, финиш у черты с подарками; и каждый подбегивший жваает то, что ему понравилось, но ни в коем случае не то, что поставил сам. В эти соревнования проектируются не бывает — каждому достается триа.

Потом, когда все аельств прокомментировали бега, водоез должно первому и усповию последнего («ты бы тоже пришел первым, если бы не заигнулся на старте, если бы перепрыгнул плавник, а не бежал его, если бы...» и т. д., все великодушно отписывают тысячу причин), — потом соревнования по стрельбе. В них можно принимать участие и женщины.

После соревнований — трапеза.

В прошлом году Утоюк приволялся последним. И мой приэ — бутылка Тимкувье стала обидой. Тимкувье. Я прибавил предпоследним — мне достался песец, его выставлял Тимкувье. У меня было время отстрелиться, а старик все еще бегал. На снегу стоял последний приэ — термос.

Я вытиснул из рюкзака флагу и поставил рядом. Когда Утоюк пришел к финишу, он в растерянности остановился. Он один, а подарка два. Что делать! Но кругом был веселый галдеж, все кричали, чтобы он брал термос, и Утоюк взял... флагу. Он отвинтил крышку, хлебнул из нее и от удовольствия зажмурил глаза.

Потом за трапезой каждый хлебнул из этой флаги, точно так же «Старка» Тимкувье стала обидой. Утоюк был рад, настоящий на сморозном.

Нам весело, мы вспоминаем прошлогодний праздник.

— Ты отнешься! Подождешь?

— Не знаю.

— Будет хорошо... люди придут...— угаваривает старик.

Мы спорачиваем в распадок.

Нарта останавливается, старик изучает следы. Следы идут из моря в сопок.

— Почему?

— Следы большие, круглые. Смотри. А когда голодный он — след узкий, длинный.

Мы едем дальше, в конце распада. Туда ведут следы. Собаки почули что-то, они волнуются, они бежут быстро. Старик резко осаживает их, абиывает остои между копылами нарты, достает карабин.

До сопки метров двести, но ветер на нас, и зверь на нас не чувт. Большая, желтая на осветленном снегу медведица копытится наверху сопки, потом слезает и съезжает на задку вниз, совсем как школьница на портфель с французской гитарой. Рядом с ней кубарем скатывается медвежонок. Она дает ему легкую шалашку, и они снова наперегонки весело бежат в гору.

— Ириает,— шепчет Утоюк.

Мы долго смотрим на их игру, потом Утоюк оборачивается и смотрит на меня. Я пожимаю плечами, ставлю затвор на предохранитель и кидаю карабин на нарту. Старик улыбается, прячет карабин в чехол из нерничьей шкуры, разворачивает нарту, и мы едем домой.

— Это ведь не наш медведь, правда?

Старик кивает.

— Наших песцов трогал другой, да?

Старик кивает.

—Дона старик долго возится, готовя собакам ужин. Я вижу, что куски сегодня побольше.

— Что-то ты им многовато сегодня нарезахешь, а?

Старик улыбается своим мыслям.

На улице полыхает костер. Стоят морозные дни, и собакам нужна теплая еда, я готовлю апану — собачий суп. В большой чаше — два пласты снега, потом один мерзлой корки и нерничий жир с меленькими кусочками мяса. Потихоньку от Утоюка кидаю в апану несколько горстей муки и размешиваю все доской от ящика. Чаш мы пьем у костра, на улице.

— Ты отнешься на праздник!

Ухожу в избушку и выношу Утоюку что-то в кулаке. Он смотрит. Разжилаю ладонь. Старик смеется. На ладони два кубика из моржового кльи. Их сделал мне Утоюк по тигру ипальных костей. Только вместо шкура на кубиках — чучело моржа. Гравировал тоже Утоюк. Этот подарок всегда со мной, уже три года.

— Дай кружку!

Старик выливает остатки чаю и протягивает кружку.

— Вот если выпьешь два моржа — останусь.

— Три раза кидай,— серьезно говорит Утоюк.

Кости гремят в кружке.

Раз! — двойка и тройка.

Кости гремят в кружке.

Дека! — единица и пятерка.

Кости гремят в кружке.

Три! — два моржа.

Выпилаю кубики, прячу их в карман. Старик наливает в кружку новый чай. Интересно, дождется ли он, что я все равно бы остался, даже если б моржи и не выпали!

Звучание тайги

Суровый край.
Просторы широки.
Стою один, как перст, среди пространств.
Могучее звучание тайги
И мозг и душу сдвигает властно.
О милый человек!
Ты — властелин,
ты — ум природы,
ты — ее творитель.
Из всех напастей только ты один
с почетым выходишь, как победитель.
Суровый край.
Просторы широки.
Брожу один, как перст, под синим сводом.
И будущее зрят мои зрачки
в том храме вещем,
что зовут Природой.
Я прорицаю таймы бытия
и расцепленных атомов характер.
Рождаются цветы осязаю я
и различаю густоту галактик.
Невиданые земли предом
показаны в удивительном сферичестве.
Ушедшие прапрадеды стеной,
как явь, вокруг меня
стоят в молчанье.
И ясно слышу я издали
неслышимые звуки недр таежных:
кричат, кричат умершие века,
меня звала упорно и тревожно.
Я слышу слов немисказанных гнет
и солнечных мелодий
белый трепет.
Еще я слышу:
камень слезы льет.
Быть хладным канканом —
что за горький жребий!..
Покуда на земле мон шаг,
я — ум бессмертный,
что в природу вложил.
Но как порой звучание тайги
мне дух и разум сдвигает все же!

Перевела с якутского
Татьяна КУЗОВЛОВА.

В доме, где жил Ленин

А такое и правду было.
Хоть и верится мне с трудом:
Кто-то с искренним начал пылом
Украшать этот старый дом.
— Что, мол, нам экскурсиям сияжуг!
Все должно быть на высоте!
И повесил люстру даже
Расторные люди те.
И портьеры — что подороже! —
Стали здесь создавать уют.
И слови из пластмассы — боже! —
Протопапи дорожку тут.

И центральное отопление
Провели за рекордным срок:
— Как, простите, товарищ Ленин!
В спальне жить без комфорта мог!

Штукатурили в доме бревна,
У крыльца развели цветник...
И тогда, оскорбившись кровью,
Правда своей отвернула лик.

Стало в доме фальшивым что-то,
Потеряло свой смысл и вес...
Годы шли, как на приступ роты.
Сосребали мы золоту.
Убирали мишурный блеск.

Ничье в доме, где смышлявшим Ленину
Прожил несомненно трудные лет,
Нет центрального отопления,
Ослепительной люстры нет.

Пахнут бревна смолою снова,
...На окнах тяжелых штор.
Знах времён! Дух былого!
Как вопиет он до сих пор!

Нас изба привлекает скромно.
Ветры вечности в ней сквозят.
Так мала она. Так огромна!
Даже в сердце вместить нельзя.

с. Шушенское, июль 1969 г.

Стихи Ю. Друниной и В. Савельева из готовящегося к печати
сборника «День поэзии» 1970 года.

Бессмертье

От вихря льющейся к затопку,
напряженный от зрачков до skulls,
он судьбою,
выкованной в смлках,
по дерзавшим путам полюсуку.

И не шаг чекани — канонаду,
протступил
в российский далеке
человек решительного силлада
в повывающем виды подкаже.

Конники взлетали на курганы,
корабли сигналили в тумале,
и качались древние берданы
на плечах сибирских партизан.

И пожары
о полночь злобиво,
зубчатое кидая вкряк и вкось,
точно окровавленные вильи,
темень пропоровали немозвь.

И от слов,
на митингах не стертых,
содрагалась дали загранич.
И дворцы выплывали стекла
из своих готических глазниц.

Да, в томах,
что под обложкой твердой
благородно у моей стени,
каждая строка,
как шнур бинфродов,
угрожает взрывом тишины.

И не зря мечтаю я о чуде...
Но свершишь наук колдовство,
чтоб продлить часы его,
и людам
вновь отдаст он все до одного.

А верни к истокам — и в первые
повторит почти без перемены
тот же путь
от шалаши в Разливке
к Мавзолею у старинных стен.

О чем это ветры борночут,
срывая с деревьев парчу!
В Могочу, в Могочу, в Могочу
по осени синей леву.
По серо-бразиковым сопкам,
по горестям и алете.
И сердце, как раненый сокол,
стремится к незримой черте.
Скажите мне, сделайте милость —
хочу разобраться, хочужу!
да что там в Могоче случилось,
что я к ней, беззастенной, хочужу!
Да попросту сердце не хочужу
повериться в аор и белу.
А вдруг в этой самой Могоче
я молодость снова найду!..

Дондем укрыта поздняя зря,
чужь брезжит день, в лесном тумане прея,
но, красками расветными горя,
по крутизнам — сияние кипрея.

И пасмурность — не пасмурность уже,
когда земля залита теплым светом...
Бог с ним, с несостоятившимся рассветом:
восходит полдень у меня в душе.

Он зреет, он накапливает сил,
чужь завострает слепым накалом:
так триста лет, шующих по Русь,
слышавсь, обращаются Байкалом.

Я становлюсь пристрастной и добрей,
Все уже круг друзей и откровений.
Все глуше дожди, и все несносней
тени.
Но в глубине души цветет кипрей.

Опять сижу, не выходя:
лесов и туи кровосмешенье,
и мельтешение дождев,
и праздных мыслей мельтешенье.
Приходит ночь — нора крота,
огни размыты, стерты тени,
И тыла течет. И докорога.
И струй живое шелестенье.
И травы шелчут: обновил!
И у земли раскрыты пор...
И льется дождь на лес и горы,
как будто песня о любви.

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

НАТИН РУЧЕЙ

Горная гряда Харстапанского хребта плавно выписалась перед нами в молочно-синем воздухе. Красный диск солнца — бледный, выходящий — возник сразу и осел. Вертолет качнулся резко и пошел вниз, к размытой толпе в водах тумана. Палатки геологов выросли точь-в-точь перед нами, и массивная палатка била выше гор, отходящих за горизонт.

Вышла гора. Ашур у самого берега отступил льды, а дальше — верст десять — восточный солнцем, с промоями и выбоинами, местами почерневший и потрескавшийся, но все еще крошечный — в неопытско-то пору! — лед. Прибрежная полоса воды стянула приливом и скалится берегом. По всей, туже шакта и выдыхая, движется вездеход, толкает за собой плавильник — верно, но Иднатерке забрел в шедь бревна, отбывшись от платов и косяков спального ложа.

Берег каменист, круто выходящий на горный хребет, он оставил для людей, обосновавшихся здесь, лишь скудную толщину земли, сверху походящую на немощно вытравленную, узкое седло. На берегу — красная палатка, пугающаяся, как рубака на ветру, у палатки кормил собор черибородый, без майки баран. Он кормил ее, не торжествуя, приговаривая что-то.

Неужто это и есть Арктика, край света, еще не отобранный до конца у моря и суши клочок земли? Но отовбарки, вожожий на остои гигантской

рыбы, обглоданной акулами, — баржи, выброшенной на берег и оставленной здесь людьми, как мета суровой памяти, вытеснить всеские иллюзии. И бушующая гле-то на том берегу мейтея — ивильская, подвизка, исследователи — наполняет легкое сквозным и стылым воздухом Заполярья.

От берега до красной палатки — метров триста. А дальше, если подняться на гору, почти горизонтальная стена, зыбкая, уходящая из-под ног ночью, тумановой покров скальной породы. Там, у красной палатки, я и позвонилась с черибородым, уколочным парнем — Иосифом Райзма-ном, начальником геологической партии.

Самое тяжелое для геолога — вспомнить. Вспомнить о том, как все началось. Как первые землероходы не вернулись на берег. Как годины пришлось добывать или, оставшись в живых, чтобы разведка продолжалась, а вслед за разведчиками чтобы пришла технология, добытчики, минералог. Экспедиция...

Этого добивались Горелов и Пелле-лев и Андрей Пенгелва работали над картой Янского горнорудного района. Карта геологической державы — нынче и не вазонный район, раскинувшийся на семистах тысячах квадратных километров, — была покрыта белыми пятнами неразведанных участков. Верст девятьсот Борис и Андрей

прошли пешком, углубляясь в тайгу, с каждым днем приближаясь к морю. Это было время, когда отдаленные отряды и экспедиции по три-четыре месяца жили без связи с матерком, с Большой землей, в о вертолетах, тогдашнему — гравитонтеру, кажется еще и в фантастических романах писала редко.

Отгонные ветры хозяйничали в Вылькиной губе, вода ушла, освобождая часть суши, захваченной морем. О бурении подводных горизонтов Борис и Андрей думали как о деле далекого грядущего. Но не прерывали наблюдать прибрежную полосу и высушенную ветром почву, которая в иное время скрыта морским приливом. В поле-вом дневнике геологов повсюду первая запись, определяющая всю их последующую работу, поиск всей жизни: запись о том, что в «четвертичье», в осядочной породе, есть, непременно должно быть оловко!

К доносению геологов отнеслась настороженно, но не без интереса. Годя через два им разрешили провести полевой сезон на Вылькиной губе. Пелле-лев тоткой месина с женой и дочкой Наткой добрался до места. Он вообразил, что озвученного в приказе по геологическому управлению срока никак не хватит. А лучшего помощника, чем его жена, геологист и картограф, не сыскать! Правда, Натке, их шестилетней дочке, трудно будет привыкнуть к ветрам и туманам, к невообразимо сердитым ивильским метелям... Вскоре к берегу причалил баркас с сотней рабочих, и на самом берегу, у

подножии горного хребта, начала походку двух штетов.

Пеллелев и поныне вспоминает те истоки поиска, те рваные в их судьбе годы. Горелов не дождал до наших дней, но вера его в успех — лучшая память о геологе, если эта вера в крови молодых первооткрывателей, исследователей поиска...

До сих пор возле красной палатки торчат из морской земли плавильник и остоики избушки — три метра на три, — в которой жили Пеллелев. Снабжение продуктами было крайне затруднено. Отстоявшиеся в стороне от Северного морского пути, Вылькиная губа шло изредка, по случаю или с оканьем, получала муку и консервы.

Полярной ночью, в метель и бездорожье, аскакая связь с Большой землей валодло прекратилась. К геологам и проходчикам подкармлился диата. Чуть ли не ежесуточно пригнывала свою жертву из хатанов. Погиблиших хоронили, как мориков, — зашивали в хюлстину и опускали в пролубу. Не было сил подниматься на хребет, а в хатанов земля едва хватала живым.

Натка умерла к весне. Она умерла не от диатги — от восталения легких. Все еще не было связи. И не в чем было увести большую девочку по темным снегам в носок...

Рабочие сами пришли к Пеллелеву. И старший из них, седой и жилистый старик, сказал:

— Натку мы не отдадим морю. Пеллелев провея рублико по оступившемуся лиду. Оставило глыбу на

Александр БОГУЧАРОВ,
специальный корреспондент
«Смены»

ВЫЖИВАНИЕ

Хроника полярной ночи

окаменевшую, убитую горем ženu. — Сани у нас там. Поидете... Они долго карабкались на горушку граду, сложенную из снега поднимаясь. Долго и молча добывая стужу земли. И не один час выворачивали белую громаду камня, чтобы воздуть лишь тот камешь над могилкой. А когда в белой темноте стаяла шапка, услышав в падающей стуже шум, как шумит под снежным покровом незамороженный ручей. — Стало быть. Натяг ручей... Её, не вникая — сказала старик и первым вставил шапку, первым пошел протоптанным или следом обратно на берег... И теперь мы с начальником геологической партии спускались у Белого Камня, у Негинного ручья. У сурового, никого не щадящего моря.

ПЕРЕГОН

— Геологическая партия обосновалась здесь в прошлом году, — сказал Райман. — Летом мы свернули свою геологическую экспедицию Пешенева, тогдашней документацию для бурения. Бурение решено было вести со льда. Нам предстояло перегнать сюда буровую вышку. И это удалось только в начале зимы. Собственно, с этого самого перегона и началась для всех нас Ванькина губа. Как когда-то начиналась она для Горелова и Пешенева... На Севере, как, быть может, и где-то больше, знают цену каждой мелочи, ибо все приходится сюда только по воздуху. А буровая вышка не левая и не правая. И ее отдали на левый

свои отнесли с нежностью, цена в нем «главную жилку рабочего оборудования в Заполярье: ее самообогрев, с рындарской верностью предан геологии. И не только верность, а тому делу, которое они делают здесь, именно здесь, и нигде больше.

Корчагин — или «Чистый мед», как его называют все от мала до велика, — должен быть перегонен до близости. А если бы и не по должности — все равно без него не быть перегону. Говорят, он «смастит» в буровой каждой винтовой. Снежок тронуть и скрежет раздаст одному ему ведомые звуки, предающие спешную необходимость заменить ту или иную деталь своевременно, «без полной остановки агрегата».

«Чистый мед»... Пасев основательно как прибыл к месту назначения с дипломом и направлением. И как Корчагин, прищурился, сказал: — Ребятники, как мастер наш еще и бритесь не бреетесь! Чистый мед не бреется!

Ну, что касается райды, то Коля был вне конкуренции. Он один-единственный на побережье. Итак, после тщательного отбора, обдумывания, сомнений и растущей в нем веры в своих товарищей Пасев собрал всех, кому утром предстояло отправиться в семикотилометровый путь — за буровой.

В Заполярье и Арктике светло везде, что есть в здешних местах только люди, которые «сказывают погоду». Разумеется, это аборигены. Им, как говорится, и карты в руки. Коля же уверял: «Если только Кузнецов не старается, все будет в ажуре. «Что я тебе! Шамаю, что ли?» — добродушно ворчал Кузнецов. Правдой во всем этом было одно: Кузнецов действительно абориген, живет в здешних местах давно. И пологостью на него.

Кстати, с ним был и Герасю. Отойдя от Ванькиной губы верст несколько, они заметили собачку. Она видимо, держалась во время пути неподалеку от автопоезда, но до поры на глаза не показывалась. Кузнецов сначала раскраснелся, а потом запустил руку в черную, дыбачущую шерсть: «Ну, чего ты волнуешься? Чего?» И лишь спустя часа полтора сказал, закуривая: «Герасю перемену в погоду чувствуешь. Не к добру это. Ишь, как умылась, отстать облася».

Буровая стroma, намертво притороченная тросом к гигантским плоским скалам, Кузнецов и Санин, не стонавая, мыко глядя с места, как бы пробуя устойчивость вышки и ее экологические качества. Они двинулись вперед, но в какой-то момент заступив руку в черную, дыбачущую шерсть: «Ну, чего ты волнуешься? Чего?» И лишь спустя часа полтора сказал, закуривая: «Герасю перемену в погоду чувствуешь. Не к добру это. Ишь, как умылась, отстать облася».

Буровая стroma, намертво притороченная тросом к гигантским плоским скалам, Кузнецов и Санин, не стонавая, мыко глядя с места, как бы пробуя устойчивость вышки и ее экологические качества. Они двинулись вперед, но в какой-то момент заступив руку в черную, дыбачущую шерсть: «Ну, чего ты волнуешься? Чего?» И лишь спустя часа полтора сказал, закуривая: «Герасю перемену в погоду чувствуешь. Не к добру это. Ишь, как умылась, отстать облася».

Звезда зыбковетля дымом быстролетящая обаявала во все четыре стороны света распалась белая равнина. Снег не терпело ветром, он лежал лютно и смиренно. Ничто не предвещало коварных изменений погоды. — Погода — чистый мед! — сказал Корчагин, задрав голову и как бы веда «последний десерт» вышки. Из носовых геологов буровой сбывалась роль Десетов и Коля. Тогда спохватывались: писма-то отправлять забыли! Коля перенатал свое послание на материк и, сооробив что-то, нашлся еще несколько слов на конверте. Пасев не глядя отдал свое письмо мальчишкам, прося завтра же с вертолетчиками отправить.

А завтра утром Александр — осторожно поворачиваясь у Кузнецова Санин. — Ковчаким, мои почтовые ящики, — сказала Кузнецов. — И свою буровую бумагу давно списали. Мы же Герасю терся о меховые унты Алек-

сандра Антоновича. Пожалуй, это была самая длинная фраза, которую произнес за всю зимовку Кузнецов. На сей раз что-то непонятно случилось во время, высказавшись в словах Кузнецова и в светлых его, всегда несколько «остраивенных» глазах.

Погода, как таковой — обжитой, привычной дороги, не было с самого начала. А был маршрут, обозначенный на карте и вымеренный по звездам и комасу.

Погода превращалась тотчас. Хаос ветра и ветра загасил звезды и совершенно преобразил окружающее. Снег, казалось, шел не в небо, а поднимался гудящими вихрями, задел и свиребно обрушился на землю.

Автопоезд застрял где-то на волнующей, явно сбившись с маршрута и потеря ориентира, по которому Кузнецов — и никто, кроме него, — безошибочно шел путь.

В одном месте это была «впасть» — охотничья лопушка на зверя, в другом — нехотят ли повозок ветры, когда ветер сходил с привычной огибающей и остро бьет сюда в лоб, обжигает скулы. В тробке — охотничьи угодья старика Горелова, провадница неслышима, — но это уж совсем близко от Ванькиной губы. А вообще-то, определяла «ориентир Кузнецова», нельзя иметь в виду только те из них, которыми обладали отшельники и зимой каждому существованию. Тут еще целая гамма запахов, цвета, едва приметных изменений ландшафта. Но все это габариты было одними из ландшафтных и от интуиции разбужившейся стилией.

— Ветер-то с Тикси, — сказал Кузнецов и выждав минуту поглядеть на Колю. Коля зарывался лицом в огромные свои меховые рукавицы. И рации молчала, мертво подблескивая в сумраке кабины.

Коля удумал о том, что жизнь ему вовсе не удалась. И понапрасну ездил он в Комсомольск свататься. Если невеста уже отправилась к нему сюда, как-то бы лучше было, провадница уже замужней женщине, вернуться вдовой.

А она хороша: красивая, длинноногая, с ласкими долгими, с парнями такими глазами...

Зря все-таки Иван все рассказал ей и про Олгу и вообще про все предшествовавшее Коляну жизнь. Иван уверял Колю, что сказал это, зная ее жалостливый характер, врожденную нежность помогать слабым животным и беззащитным, запуганным людям. Коля же, как и затем ему устало кричала как казени! Он не выжидает в жизни, здоров еще, в сне, никто на него в зимовке не обижается.

— Не в том дело, что слаба ты, отбивай Иван, вывалюющая колышка тебе ни один сон не выдст. А доверчив черестур, мигнутой сфере подвластная...

Иван непостоянно любва запугавшая олухушка, а Олга была той самой феей, волшебницей, если хочешь, которая плавно и невыразимо ласково воркала с подосном в Зимнем саду, в ресторане «Лотос» Ко-СОС, а он поглядыв, счастливым и растерянным в этой своей победил.

Дуреха ты моя, — шептала ему поглядывая Олга, — вот убогую с тобой на край света...

Он млея от грустного ее голоса, а она лодышкой — прохладной и лущивой — провадила по глазам его, по лицу.

Пинтигвичка хочу, Коленка. На-

СИБИРЬ В ПРОФИЛЬ И АНФАС

ЧТО И ГОВОРИТЬ, НЕ РЕДКО ЕЩЕ СИБИРЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ «НЕХОЖЕНОЙ, ДИКОЙ, СЕДОЙ», В ПАМЯТИ ВСТАЮТ ТАЙГА И МЕДВЕДИ, СНЕГА И МЕТЕЛИ, НЕЛЕГКО ПОДНЯТЬСЯ С МЕСТА И УЕХАТЬ В СИБИРЬ. ПУГАЮТ РАССТОЯНИЯ, «БЕЗЫБЫТНОСТЬ» НА НОВОМ МЕСТЕ, ОТСУТВИЕ КОМФОРТА В ПЕРВОЕ ВРЕМЯ, НО УЖ ЕСЛИ РЕШИЛСЯ И СТАЛ СИБИРЯКОМ, УЕХАТЬ ОТСЮДА НЕВОЗМОЖНО! С ПЕРВЫХ ЖЕ ШАГОВ ТВОЕЙ РАБОТЫ БЕЗГРАНИЧНОЕ ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОСТОЯННО РАСТУЩЕЕ В ТЕБЕ ЧУВСТВО: ТЫ НЕОБХОДИМ, БЕЗ ТЕБЯ НЕ ОБОИТСЯ! У НАС В ГЕОЛОГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ВИСИТ КАРТА, НА КОТОРОЙ ФЛАЖКАМИ ПОМЕЧЕНЫ РАЗВЕДАННЫЕ И ОТКРЫТЫЕ НАМИ МЕСТОРОЖДЕНИЯ. Я ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД В ЯКУТИИ, «В ПОИСКЕ», НО СИБИРЬ ТРЕБУЕТ ВСЕЙ ЖИЗНИ. И РАБОТЫ ЕЩЕ НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ — ДЛЯ НАС И ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРИДЕТ НАМ НА СМЕНУ.

ОЛЕГ ШУЛЬГА,
старший геолог Батыгайского геологического управления

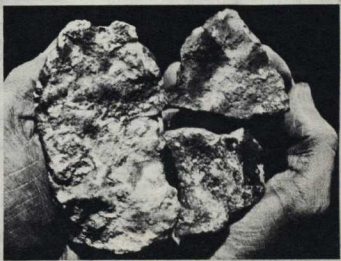
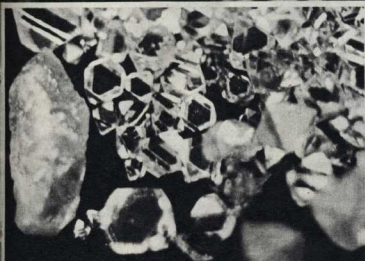
Фото Геннадия КОПОСОВА, Альберта ЛЕХМУСА, Виктора САККА,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

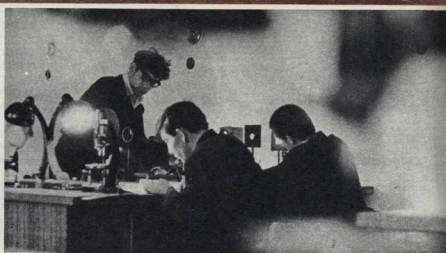

ЕСЛИ БЫ ЧИТАТЕЛИ МОГЛИ ЗАГЛЯНУТЬ «ВНУТРЬ» СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ, ПЕРЕД НИМИ ПРЕДСТАЛО БЫ ЗРЕЛИЩЕ ПОИСТИНЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ. МЕРЦАНИЕ МОЩНЫХ КАМЕННОУГОЛЬНЫХ ПЛАСТОВ, ИСКРИСТЫЕ ЖИЛЫ ЖЕЛЕЗНЫХ И МАРГАНЦЕВЫХ РУД, СВЕРКАЮЩИЕ ДРУЗЫ ГОРНОГО ХРУСТАЛЯ, ТУСКЛЫЕ ПЛАСТИНЫ СЛОДЫ, МАССИВЫ БУРОГО УГЛЯ, КОЛОССАЛЬНЫЕ ЗАЛЕЖИ ТОРФА, ИСЧИСЛЯЕМЫЕ ДЕСЯТКАМИ МИЛЛИАРДОВ ТОНН... НО САМОЕ ГЛАВНОЕ НАШЕ БОГАТСТВО — НЕФТЬ И ГАЗ... ПОИСТИНЕ НЕОБЫЧНЫ НАШИ СИБИРСКИЕ ДЕЛА ПО СВОИМ МАСШТАБАМ, СРОКАМ И МЕТОДАМ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ!

В ЭТИ ПОИСКИ, ГДЕ ЭНТУЗИАСТОВ ОЖИДАЛИ НЕ ТОЛЬКО ЛАВРЫ, НО И СРЫВЫ И НЕУДАЧИ, А ГЛАВНОЕ, ТРУД, ТРУД И ЕЩЕ РАЗ ТРУД, ОНИ ВКЛАДЫВАЛИ И ПРОДОЛЖАЮТ ВКЛАДЫВАТЬ ВЕСЬ СВОЙ ОПЫТ, ВСЮ ДУШУ, БЕЗГРАНИЧНУЮ ЛЮБОВЬ К СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ, ВЕРУ В НЕЕ.

Борис ЩЕРБИНА,
первый секретарь Тюменского обкома КПСС

БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА ТЯЖЕЛОГРУЗНЫЕ ПОЕЗДА ШЛИ ТОЛЬКО В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ — К НАМ. ОНИ ВЕЗЛИ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКУ. НЫНЕ ОНИ УЖЕ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПУСТЫМИ — ВЕЗУТ РОДИНЕ ЧУГУН, СТАЛЬ, ПРОКАТ, КОКС, ПРОДУКТЫ ХИМИИ. ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАШИМИ РУКАМИ СОЗДАНЫ ЦЕННОСТИ, СТОИМОСТЬ КОТОРЫХ ИСЧИСЛЯЕТСЯ СОТНЯМИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ. СИБИРЬ ОТДАЕТ ЧЕЛОВЕКУ СВОИ БОГАТСТВА.

ВЕНИАМИН ФРОЛОВ,
бригадир слесарей-монтажников,
Кузбасс.

НЕ СТЯЖАТЕЛИ, НЕ ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЕХАЛИ В НЕОБЖИТЫЕ МЕСТА, А ЛЮДИ С ГОРЯЧИМИ СЕРДЦАМИ, ДЛЯ КОТОРЫХ СМЫСЛ ЖИЗНИ — ОТДАТЬ СВОИ СИЛЫ ЛЮДЯМ, БЫТЬ ТАМ, КУДА ПОЗОВУТ ИХ ПАРТИЯ И КОМСОМОЛ. НАМ БЫЛО ТРУДНО, КАК ВСЕГДА БЫВАЕТ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМ. БЫЛИ СУМАСШЕДШИЕ МОРОЗЫ, И НЕ БЫЛО ЖИЛЬЯ, БЫЛ ГНУС И ТАЙГА, И НЕ БЫЛО ВОЛЯ, СОСТАВЛЯЕТ ПОНЯТИЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ», НО БЫЛИ ВОЛЯ, СТОЙКОСТЬ И ЖЕЛАНИЕ ПОВЕДИТЬ. И МЫ ПОВЕДИЛИ.

ПУЛЬС СТРАНЫ ЧЕТЧЕ ВСЕГО ПРОСЛУШИВАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ ПРОХОДЯТ НОВЫЕ СТРОЙКИ, ГДЕ ЗАКЛАДЫВАЮТСЯ НОВЫЕ ГОРОДА. ЗДЕСЬ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ГЕРОИЗМ МОЛОДЕЖИ, ЕЕ САМООТВЕРЖЕННОСТЬ И ГОТОВНОСТЬ ОТДАТЬ ВСЕ СВОИ СИЛЫ НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ. БЫЛ КОМСОМОЛЬСК, ЕСТЬ БРАТСК И ДИВНОГОРСК. БУДУТ НОВЫЕ ГОРОДА, НОВЫЕ ПОВЕДЫ. ВО ИМЯ ЭТИХ ПОБЕД СТОИТ И НУЖНО ЖИТЬ.

БОРИС ГАЙНУЛИН,
знатный строитель Братской ГЭС, кавалер «Почетного Знака ВЛКСМ»

Леонид МАРТЫНОВ

Сибиряки не без оснований считают муромца Государственной премии поэта Леонида Мартынова «своим», сибирским. Уроженец Сибири, Леонид Мартынов в самом начале своего творчества создает цикл исторических поэм, книгу лирики «Лукоморье».

Поэт Мартыновки арднодежит и «Повесть о Тобольском новоовете» — проза поэта, до сих пор малоизвестная читателям: книга вышла в конце войны, в сорок пятом, тиражом в тысячу экземпляров, в Омске.

Самую историческую прозу и докрасилась пером поэта страницы давно минувших веков. Мартынов рисует захватывающую картину становления иконо русской земли, освобождения ее в тяжелой борьбе от татаро-монгольского ига. История Тобольского новооветы — это летопись мужества первооткрывателей «освоенной» Сибири, отважных смельчачей государства Российского. «Лукоморье» — яркая глава «Повести о Тобольском новоовете».

Можно считать точно установленным, что как среди сподвижников Ермакова, так и среди людей, начинавших на сибирскую службу, было немало грамотеев. Углич и читать и писать. Простые казаки из Ермаковой дружины дали позднее архаичнослепую Киприану письменные показания о походе в Сибирь. И надо полагать, что многие из этих грамотеев, собиравшихся сюда, за Камень, были уже знакомы со старинными песнями о «милеивой восточной стране».

Много заманчивого рассказывалось о Сибири и о Северном Урале в старинных сказаниях новгородских. Выходило так, что еще лет за пятьсот до похода Ермакова начали стремиться русские люди на Восток, за Камень. Приходили сюда торговать, заключали сделки с владельцами здешних земель, предлагали им дружбу, вступали в споры. Было за что и поспорить. Серебро, морювые клыки, а главное, мягкая рухлядь — пышные драгоценные меха, за которые чистый золотом расплачивались и арабы и персы, и славяне, и франки. Но люди, жаждущие эту страну современно, были дикие, опасные люди. Их, по преданию, когда-то загнал в Камень сам царь Александр Македонский. Из дикого лесу дикого Солонечьего погнав Александр этих человек племена Ифетова за Русь, на полночь, туда, где стоят горы, заходящие в лезу моря, млеющие высоту до небес. И в горах тех клык велик был и говор. Синала дикая человеческая смелая в Камене, в недрах гор, куда загнал на Александр Македонский, да проубили в камене оювцы малые, «хотящие высекиски. И протягивали руки, проси железа — ношой, слезки и топоры» — сглы в обилии великую рухлядь. С помощью русского железа сумели-таки освободиться из каменного плена. И стали встречать купцов на дорогах и в горных ущельях, и по-прежнему выманивать меха на железо, на оружие, что, сооружившись, сбрить это оружие против тех, кто вооружил. Таков смысл сказаний новгородских. А что далее, за Каменем? «Музи старин, то дивились за ягрю и за самонды, будто бы сами жили в полупрозрачных странах, как повелевает над гудеро тучи, из которых являются назель пушные звери, «Сладе веверица млада, аки топореве рождена, и зростан и раскодит по земли. И пакы бывает Другая туча и спадает оленцы малые в нель».

Иллюстрация Геннадия НОВОЖИЛОВА

смена

Чудеса! И не один чернец монастырский, начитавшись подобных известий, бросал такую книгу. — Это Божья книга Берича. — В Сибирь! В Уралю! — И из уст в уста, от грамотея к невеждам, передавались рассказы о волшебных странах.

2

Однако столичный город сибирский Тобольск, сколько ни был он дивен, все же мало походил на Лукоморье погородских сказаний. Распространился обо всем этом русские люди татар. Татары тобольские подтверждали, что действительно волшебная страна есть. Там, на севера, Кунду да в провинции царя брали дань со многих племен Прибыла, но самым ценным метал — дальнее по плечам. Есть страна Мираво, где бесчисленное количество соборов, росомов, муниц, лес. Страна Мираво, Мехлова тьма. Возлоиюно, что ягнса рудудей сыплются там и прамю с небо.

Казань отсюда отправлялись туда, на плечом. Возвращаясь в Тобольск и восток, Оби, рассказывали людям немало любопытного и загадочного. Тогомолки о великом пушном богатстве далекой холодной окраины, о дивных изюдах, медных густах, драгоценных старух, золотых бабаб. Сказанием о причудливых полярных свиных, озаряющих черное небо звонной тучи. Но все-таки никто еще не увидел звонной тучи. Может быть, та страна, где собора сыплются прямо с неба, та страна, куда ходили с Берегом Печеры мужик старик, лемент где-нибудь еще дальше! Все могло быть. Новгородские летописи остались там, в Новгороде. И казань сибирские, казань бы не были среди них грамотеи, все же ни могли показаться доисследованным знанием того, что написано в старых книггах.

Но вот повенился в 1600 году в Тобольске некий почтенный и достойный священного доверия люди. Это были иконы, казань из Логина и Дионисий. Оби они были солдочными и прибыли в Тобольск для построения здесь первого монастыря. Они поселились за Иртышом, на устье Тоболя, где и принимались за сооружение обители во имя Зосимы и Савватия — двух чудотворцев солевоцких. В этом монастыре, по мысли его строителя, должны были найти принят и покое престоарелье вечные воины, участники завоевания Сибири. Но не только старому, а и молодые тобольские сделались частым гостями именов Логина и Дионисия. Каждому человеку было ясно: иконы солевоцкие кою-то понимают в совершенных делах. И дальние им звать уверенность все то, что сказано в книгах старцев.

Монахи на стоило труда ответить на это. Испомини повесть о походе князя Улеба, об лето 1632 князь Улеб измыде из Нова города на Желтые врата и вступил в милое государство, но мнози там погибшова. Хотел, мило, князь Улеб пройти сюда, в Сибирь, морем или сушию, да не дал бог удачу. Но позднее, через несколько стелетий, грядущие погородские добралась-таки до рубинной сказочной Лукоморья. И об этом повествовал в сказании «Сказание о чловеках неземных в восточной стране». Сказание сие многие люди поминили почти целиком наизусть. Кою-то они построили тобольские. На восточной, милой стране, за Югорской степью, над морем, смекнут люди Самоеды — зовомы: Малгоцон. Сии же люди не великим возрастом, плосковидны, носы малы, но разны величины и стрелцки соборы и горацки. Это так! — подтверждали казань, прибывавшие в Березово и далее, на изювот Оби. — Люди самоеды есть. И рассказывали о них точно. А дальше что?

— Далеко восток соборы и оленья, а товар их — соборы.

И это было верно. Именно этот зверек и встал по

своему следу трайрши тоболан все дальние и дальние в северо. Этот зверек рассказывал больше, чем все иныи. А сказано ли было в старых книггах точно и ясно о времени и месте падения сего драгоценного зверька на тучи? На это вопрос, тьма, на могли ответить и прамудры Дионисий и Дионисий. Но зато они вспоминали о других чудесах, описанных в книггах. Чудым те самоеды: «ядя их мило оленю да рыба, да мнен собору друг друга кладет. И гость к нимю отуда приходит, и они дати своим закатан на гостей да и тем корчат, а который гость у них умрет и они того съядуют. Видали мы это, ратные люди!»

Нет! Этого ратные люди не видели. Не видели они среди самоеды и людей без голою, с глазами на животы, и людей, засыпающих на всю зиму, как медведи, и многих других лукоморских чудовищ, о которых упоминалось в сказаниях при стравы пополуноцким. Да все же ни извлекались эти загадочные прираксы! Следовательно, бы проверить все это, а прежде всего где и как падают соборы с неба. Пора, пора идти в поход туда, в Мангазейск, в Лукоморье, там бы ни извлекались эти загадочные страны. Там более, что тобольские ступи знали: появляются в тех дальних краях каю-то таинственные русские люди с Печеры.

3

Борис Годунов был прерисно осведомлен обо всеу замыслах казанов тобольских. Но отпустить туда пойти казань Мангазая Годунов не торолоси. Он знал: стоит лишь показать Аюргу в страву соборы, как устрелят по этой дороге. Но, чтобы не надоедают туде стравиться. В сиучае удаче мангазейского похода, ринулась бы на север без спроса и без удерия добрая половина населения острогов сибирских. И, показав, «заселили бы эту острогу, стам бы несомненно были за оборону при нападении южных соседей. Пугало еще и другое — крестьяне, холопы по эту сторону Урала. Если в 1590 году приходилось вербовать крестьян на переселение, обильно снабжая их с оном, деньгами, уваром, так в 1600 году тысяч мужиков самовольно уходили с помещицких и монастырских земель туда, за Камынь. Это десятилетие—1590—1600 годы—на было счастливым для крестьян. Не хватало мужиков на новые земли царя Бориса, угодные для двора. Отдавшие в полную власть помещиков, мужики сопротивлялись. Возникла опасность. После нечестно было. И муть эти буржасы был если не на юг, а вом, было бы весьма опасным открыть свободный доступ в такие края.

Со всех сторон стравинию люди и ледяным водотом Лукоморья. И царь Бориса колебался — что делать? Несколько лет назад, еще при жизни царя Федора, послал Годунов в страву мангазейск разведчика, доверенного своего чловека Федора Дьякова. «Отправился, мсл, с Печеры через Камынь и далее. Кто там есть? Федор Дьяков вернулся. Годунов немедленно призвал Дьякова и себо.

То, что сообщил Дьяков, удостоило царя Бориса. «Там в неизведанных стравях, восточной на реке Таз и на реку Пур поплыв-поплыв русских людей», — заявил Дьяков. «Иныхли «А всяких. И аржангогорцев, и устиков, и пушторцов, и вымичи... Они там давно; кто торгует, кто охотится, а кто дает, а вельеи Бары и свое поплуть, возрским, обильно; и связывают при этом, что собирают ясли на государя».

То говорюти Логичи пономры. Туда прясется, а там уж давно так. И возрудит. Не мог не казань сказать казаню Борису. Однако настала пора навестить воярдов в страву пополуноцки. Ближе всего до Мангазая, конечно, из Тобольска!

Юный князь Мирон Шаховский, брат князя Петра, воеводы польскогого, вырос и начал стравить в Сибирь, и вскоре достиг звания письменного голову при тобольских воеводах Сабурове и Третьякове. На миад Мирон и остановился выбор Годунова. Молод, силен. Привичен и местными суровыми условиями. Пусть и будет начальником похода в страву мангазейск.

Князь Мирону дали в помощники двух опытных людей — письменного голову Критунова и Сельмана Новоселова. Новоселов бывал уж на Севере у рубежей Лукоморья.

В отхожих поити на Север недостатка не было. Казань добивались этой чести. Однако воеводы тобольские Сабуров и Третьяков не находили низко Мирону кзта больше ст человек из тобольского гарнизона. Нуంచి, мило, люди и здесь, в Тобольске, где следует весь острог муть ли не заново перестраивать и много новых домов ставить. Недостатки людей пусть князь Мирон возьмет в Березово.

Березовцам приказали приготовить и корабли, годные для похода. Кою-как выстроили там четыре коны и две лодки-поджигальницы.

Весной 1600 рестроительная динулиси на Север. Мудрые иконы Логин и Дионисий, напустузя казанов, повторили еще и еще раз все, что знали о страве пополуноцких. В Березово и тобольским присоидежились, еще тридцать казанов. Погрузили в корабли. Поплыли. Ледяное дышанье овеяло чувствовалось все разное и резкое. Слова выгнули из тунды снежные вершины приполярного Урала. Оби те делались на неяснослышимую высоту протом, то вдруг раскрывалась во всю свою великую ширь. И вот, наконец, флотилия достигла моря. Высокие волны шли с северо-востока. Надлежало пересечь губу наискось. Там, за герцогством, и находилась стравя сказочных беготель пополуноцки, где белны, соборы и оленцы сыплются прямо из туч. Верили ли в эти сказки мило Мирон и цоловальный Семен Новоселов! Кто знаел! Впрочем, стучай проверить волшебные свойства лукоморских туч представлялся омень скромно.

Отронули, серые, косматые, апрель позомке на мюно-то мелеховы чудовищ, подымались эти тучи с полуночи. Море заняло. Коны и лодки, сколощенные неуглою и неселд исполнительны бараческим, шлепая плоскими днищами о морскую волну.

Эта буря выбросила все корабли на берег и на прибрежные камни. Люди спаслись. Но сильно пострадали грузы.

В это время приключились и берегу немцы, та самая есмювядь, о которой столь много ходило чудесных известий. Цоловальный Семен Новоселов имел туше опыт в общении с этими людьми. «Ирская обская самоеды», — определял Новоселов. Он мною устроил базар. Чловею опытный в торговле, Новоселов сумел выгодно выманить у немцев на подочиваний хлеб и толкюю оленью и карты.

Морское путешествие окончилось. Новоселов был готов к гити. Князь Мирон не спрашивал людей, куда они хотят ехать. Нельзя было сомневаться в ответе. Вперед, в Лукоморье! Но удалось достигнуть близкой стравы морем, там они достигли ее естественным путем. На Пур и на Таз!

Проводившим согласился быть немцы. Отряд не мешая, динуется дальше, на северо-восток. А слухи о дивных этого отряда неслись вперед все быстрее. Вся тулада Шаховских и Новоселов идет к Тазу. Идет, рат, идет, везет товары. Хлеби! Прогреть будет, когда острог на Тазе поставят. Хлеб вкусен, даже если он и подомочен. Готовые мехи!

казанам. «Что тогу, то и Агало» — сказал хозяин и наел на несколько уток. Василья. — Я это же утку. Мне ее самодерный вождь продал. Значит, поступаю, как хоч. Грех! Ну, что с моей душой будет, это не тебе, Василья, дело. Тут в Мангазее, свои порядки».

И впрямь с таким отношением совласть с князя приказника угроза: вот, мол, вернемся в Россию, так спроси у людей знающих, боеспособны ли порядки здесь в Мангазее и по боеспособным ли законам жив здесь ты, хозяин.

Хозяину меньше всего хотелось, чтоб о всеобщей жизни его утках и утке, да еще, оставивших там, в Ярославле. Что же до мангазейских порядков, так это касалось воевод. На всякий случай ярославцев объявляли раз в беседе с князем Рубцовым, что они приносят в Мангазее порядки мангазейские порядки — не нравятся всеобщая жизнь, не нравятся, как аманаты содержат, как кормят. Грозится, вернувшись в Россию, обличить.

Рубцев начал головор. Он взял эти слова ярославца на замислу. Стаи присматривались к Василью. Заметил, что тот много разговаривает с казанами, со старыми казанами, которые посромнее да побоготливнее. О чем беседовал? Спросил хозяин. Ответили о минеральных водах. Ярославцы отроги грамотей, любитель читать книги. Вот и беседуют о старых сказаниях про Лукоморье, о боженственном. Рубцев посмеялся над казанами — нашли собеседника, малостьню. Ярославцу продалу свои знания, мол, придет Василья к него-нибуде снова, начнет проносить какие поносные речи, такщя его в свежую избу прямо за шиворот. А там видно будет. Но хозяин и сам был недоволен.

Однажды купец выскочил из дома, крича, что ограбили. Ярославцев завалил, что оставил дома приказника Василья, а теперь нет ни денег, ни товаров. И вскоре мангазейцы увидели, как ближнему лоду воеводскому Выхилу и его товарищам, везущим в Ям, на восток, как это случилось. Куда везли товары Василья, еск он их украл? Говорили, что хотел Василья бегать на собаках к Камню и отсюда на Печору.

Началось дознание. И затем из свежей избы вынесли мертвое тело приказника.

Князь Рубцев говорил, что упорный приказник хотя ни в чем не сознался, но явно виновен. Василья Пушкина тогда погубили, стараясь не смотреть на него.

Купец-ярославец уехал всеобщим. А вскоре отбыл из Мангазее и князь Рубцев-Мосальский. Отпросился в Москву. Нечего больше было ему делать там. В Лукоморье — что надо было там приобрести, он приобрел. Дел и сумел там торить несорешие. Маловались самодеды: «Грабители! Стали мстить. А кому! В первую голову казанам. Роптали и казаны. Заваривались воеводы, тактат через ярыя. Самодеды не шатают, права казанов самодеды злободуют, да в своем духе змеату замучивают. Ведь ничего не доказали на приказника отрока Василья, а одною, убили. Князь Рубцев точно усад все эти толки. И, проезжая через Тобольск, сумел расквитаться с казанами, а лодку и товары воеводе тобольскому Остафию Пушкину за то, что сей боярин навзвал ему, князь Рубцев, в спутники своего родственника Савлука. Рубцев горю подал воеводе Шаулюку. Шаулюку, везущему в Ям, в Мангазее холот. Запытал до смерти он человека... и тяжело было слышать старому боярину Остафию Пушкину о таком поведении сибирского родственника его Лукоморья. Остафию Шаулюку, говорил, что инкольно не виноват в таком черном деле. Рубцев, мол, разрешил ярославцу пытать приказника. Он же, Савлук, хотел приосудить пытку, но зато ярославец подбежал и ударил Василья ключами в нос. Ударил с разрешения Рубца. Убил. Так оправдывался Савлук. Рубцев говорил иное, поносил Савлука и всех приказников. И занемог после этого старик боярин Остафия Пушкин и скончался от сердечного припадков».

А князь Рубцев ушел на Русь, заметя все следы.

Воевода тобольский Федор Иванович Шереметьев, похоронив своего товарища боярина Остафия, и стал возвращаться к неприятному делу с Васильем. Забот было и без того немало. Из Мангазее послышалась трагическая история. В Ям, в Мангазее, поступили всякие любопытные новости. Город-де растет не по дням, а по часам. Откуда

только люди бегут? Едут и через Березов и через Камня — знаи принимаи. И приближилось морем, с Архангельска. Да не только свои русские, но и иноземцы. Пришли голландцы на огромных судах. Шереметьев отписал об этом в Москву. Голландцы, впрочем, не долго там пробыли. Из Москвы не спустили с ответом. Шереметьев догадался — Москва сейчас не до Мангазее. Разразился знамом на Руси голод. Начался белезник и сыпучка в России, разразился белезник сыпучка в Сибирье. И отписал Шереметьев мангазейцам — управляйтесь, как знаете, только собирайте яск исправно. А в том, что превращается Мангазее в какой-то новый порт, в этом Шереметьев не сомневался.

Вскоре Шереметьев покинул Тобольск. Новый воевода Голцинин, не успев еще разобраться в делах лукоморских, был отвлечен делами более важными в России, разразился белезник сыпучка. Двинулся с западных границ самозванец, помер черт Борис, ших воина.

Вести об этих событиях быстро дошли и до Мангазее. Но здесь все это не распространялось так остро. Войной здесь свои войны, вечно с немирными племенами. А уж ладно-то не дождут сюда, конечно. Были даже и свои выгоды от всего этого великого замешательства. — не приходило, потому бояться, что придет Михаил Фоминский для надзора. Торгуя, живя, как хочешь — сама себе Мангазее хозяйка!

Вскоре явился на Мангазее, Росла Мангазее. И не через здесь послышалось основание этада больших, горючих, теплых жилищ. За трехкилометровыми стенами острога стояли две церкви, всякие административные здания — съезная изба, воеводский двор, склады, тюрьма, таинница да два барака, да торговые бани. Множество лавок, много Мангазее. Четыре больших улицы города были тесно застроены домами, да еще многожилые избы лепились у стен острога, под прикрытие их, в Мангазее, было так же безопасно, как везавуос. В речном порту появились десятки судов.

Такой стала Мангазее в годы крестьянской войны. И еще раз Москва принимала великие бедствия. Умер царь Борис — главный заимоатель мангазейских походов, погиб царевич Федор, начертавшись на свои карте России новую северную провинцию. Царевича убила та же рука, которая убила и мангазейского приказника Василья. Но, оказавшись князь Рубцев-Мосальский, переехал на сторону самозванца, порешил в Москве семью Годуновых. Об том поведали мангазейцам иным и проведением, правительством. Мангазейцы же появились здесь в это время. Из Москвы, из Поморья, с Печоры, с Перми, уходя от преративности смуты, шли сюда, в волшебие и диние ирала погущонци. Купцы иноземные, полусуд отсутствием безразличия поубоиморю, все суд кораблей в гиперборскую гавань. Все гостеприимно встречала страна Мраков. До тысячи человек принимала в иные годы Мангазее. И до ста тысяч собиравших шурюк проеждо за год через этот город. Шумными были ирариан зюиой.

Но почему ныне только историки вспоминают о славнои городе этом! Куда девалась Мангазее, столица северного Лукоморья?

В Мангазее, Мангазее, совершились в годы царствования Михаила Романова. Прибывший в 1616 году в Тобольск новый воевода князь Иван Куранин обратил особое и отнюдь не благосклонное внимание на Мангазее, послав туда воеводу тобольских казанам. Князь Куранин установил с очевидностью, что многое множество мягкой рухляди, драгоценной пушнина, соболой при существующих в Мангазее порядках уходит в руки частных лиц, не поступаая в казну государства. Сделав Мангазее заложницей восточной государственной — вот что поставил себе в задчку усердный князь Иван Куранин.

Вскоре, однако, ограничение вывоза и закрытие волжого морского пути из Европы к берегам Таза — такие мероприятия решил осуществить Куранин. Он писал, что надо запретить морскую торговлю Мангазее, синавля эти меры, в целях устранения протестовали, ирариан Михаил не решился идти против. Но Куранин убедил правительство все же закрыть морскую путь — по нему-де уходит в Мангазее иноземцы и их воиска не только Мангазее, но и отсюда, в Мангазее, в Россию. Из Тобольска же против них россияне пошлись — далеко. Случай грабежа инстранинскими

партиями северного побережья России действительно были. Особенно обогнали авантюристы за годы крестьянской войны. И в конце концов правительство склонилось на доводы князя Куранина. Куранин решил не поднимать вопрос о Мангазее в самой Мангазее князь Куранин установил свои порядки. Он ограничил частную инициативу в торговле, например, отобрав в казну торговлю вином. Громадные прибыли перешли от предпринимателей в руки государства.

Все эти ограничения и строгости не понравились северным горожанам, людям, привыкшим к вольной жизни и свободной наемке. Мангазее, по сути, Корделла дум не поднимали, как и отсюда вверх по Язу. Ватаги промышленников далеко обходили город, не меляя посылать на глаза таможенникам. Так же поступали и купцы. Те и другие стремились в обход Мангазее, дальше, вглубь, бла, что тут уже прострляса за тысячу квадратных километров к востоку, северо-востоку и юго-востоку. И горько прозвучали слова некоего челобитного, направленного царю Михаилу в 1623 году мангазейцем Марьяном Востряковым:

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русы холот твою Мяртына Вострякова, в 131-ом году в 17 день волею боярина половина города выгорела до тла, а из остальной половина ползут тарылены в поле. И видно быть и на то половине гнзбу боженку, и дого ли гореть ли и той половине гореть, что и от старой людюк применено. А того для не велено ли будет и остальную половину замечь, вырваз погорели, дабы не загорелся град во времена и не погорела бы у людешек дуробыша, да и товар, присеставшийся государю казне, не было бы убытка».

Разрешение замечь остальную половину не последовало. И еще в течение целого ряда десятилетий при новых воеводах тобольских, сменивших князь Куранина, существовал острог мангазейский, и поступали через Мангазее в казну государства сотни тысяч драгоценных шурюк. Сохранялся запоздавший торговля государства шурюк в Москву, а отсюда и на западные рынки и в подарики иноземным владыкам, восточным митрополитам и патриархам. Острог мангазейский существовал до 1676 года, пока поновление не был вынесен на трон императором восточнее, дальше на Турухан. Но город, такой город, какия была Мангазее в начале века, не возродился.

Прошло его время. Те, кем было славно Молодая Мангазее — казаны и промышленники, были отсюда, чтоб не вернуться. Помину Мангазее, вышли казаны и промышленники с Таза на Енисей, с Енисея на Лену, а вскоре и на великий Анаур. И отныне они новые поселения строили, строили, а там не падали прямо с неба. Но были проследованы к деревне россиянина огромные земли, богатейшие территории северной Азии, вплоть до самого Великого океана.

Путь и имя долал через Мангазее. Именно в этом ее великое историческое значение. «От города Мангазее остались один лишь развалины», — записал в свои дневник один из ученых путешественников профессор географии Иван Федоров в 1914 году. То есть через триста лет после расцвета Мангазее... По берегу торчат бревна постреле, никиние склады здания... Сохранился едва только одно строение, судя по архитектуре, бланк. Сохранились три стены в одной из бонниц, архитектура, аналогичная с башнями в Юньсюнском городе на р. Казиме. Место, где была Мангазее, понаблюдать поросшие срочной травой кусты на берегах реки, понаблюдать берега, понаблюдать берега наши путешественники только любознательных предметов — наконечники стрел, деревянные крестки древнерусского стиля. Деревянные крестки, наконечники стрел, разбросаны повсюду на великом дороге счастливой народа к востоку.

СИБИРЬ

Франц ТАУРИН,
секретарь правления
Союза писателей РСФСР

СИБИРЬ — ИСТОЧНИК
ВДОХНОВЕНИЯ...

Андрей Лавров.

Было ли за последние годы хоть одно представление, хоть один период писателей или творческих сезонов в Сибири, да и в целом, который не занимал ключевых позиций? Наверное, Сибирь всегда поодаль от нас, свежестие и оригинальность своих произведений, щедрость таланта, завидной жизнедеятельностью нас самих — героев романов, пьес, повестей, мифов и рассказов. Поздно — мифу Сибири — обычно отдают духом здоровье, нравственная цельность, верность идеалам. Можно бы превеличавая сказать, что сибирские поэты — прямые наследники певцов революции, ибо они творят и живут в нравственные титанических революционных преобразований, в нрав, историей стал источником вдохновения для выдающихся мастеров литературы и искусства.

Давно ли явился за перо молодой иркутской прозаик Валентин Распутин? И разве знали еще вчера почитатели великого поэта на Ханты-Мансийск Миклулу Шульгина? Судьбы этих двух литераторов столь характерны для современной литературной Сибири, что, рассказав о них, можно, таким образом, рассказать о многих: им так же открыта дорога и творчеству, и поиску к совершенству.

Оба они — Валентин и Миклула — родились и выросли в Сибири: Распутин — в Усть-Уде, на Ангаре, Шульгин — в заполярном городе, в степи своего национального округа. Здесь же, в Сибири, получили они высшее образование. На зелье своих отцов каждый из них по-своему, но даровито и смело попробовал свои силы в серьезной литературе.

Валентин Распутин мы, писатели старшего поколения, по-настоящему открыли для себя в шестидесятые годы. Вспомните прозу и поэзию того года: был сложившимся литератором со своим кругом тем, чья поэзия, чье творчество, которого отличали подлинность, бескомпромиссность, стремление к максимуму и с максимальной отдачей сил. Тем же, спустя четыре года, Распутин хорошо узнали и читатели: повесть «Ждыга» для Марин принесла ему твердый успех и читательское нетерпение, продвинутое желанием пошутить, новые повести и рассказы талантливого писателя.

Миклула Шульгин и по возрасту и по стажу литературной работы гораз-

ное, выразительное из жизни ученых и дать представление о характере моря, закопанного в лед. Лаврову, вероятно, не было нужды долго напевать свое в материй. Все для него здесь знакомо, зримо, все на памяти. У Лаврова было другая творческая задача: в данном случае свидетельствуют о мужестве рабочих и ученых, об оверимости похода. Вспомним хотя бы некоторые кадры трикотажной «танцующие» на льду, — риси, драматичные ситуации, напряженные зыбкий парусник, опережающий ветер, гидролог на коньках. Нет, не спортивная программа по ледной гонимости, а опять же рисовый маршрут за несколько километров от временного городка, возникшего посреди заснеженного пространства, на льду Байкала.

Доме беглый кинематограф и фильму говорит о том, что Лавров немало дней и недель провел в этом городке, прежде чем сложился сюжет, сценарий, фильм.

А вот новую свою работу — десятиминутную ленту «Козини тайге» — Андрей снимал, — пять лет. Впрочем, об этом стоит рассказать подробнее. Однажды, спускаясь по таежной реке в резиновой лодке, Лавров чуть было не утонул. Побойся, а страшно от Монгольского графта, познано-никая кинооператор с Пупльином Иваномичем Вороновым. Все свою долгую жизнь Воронов прожил в

тайге. Он знал тайны лесной азбуки, в избушке его частенько гостили дикие звери, которых старик лечил травами и настояями. Киноматериал Лаврова, сделанные за эти годы у Воронова, почти фантастичны: вот слетаются птицы голубой парой в конце зноя, и старик, садясь на языки хлебные шаршир, опустит вниз синиц и зябликов — птицы летят на ослепительную бороду, которую изводит в его рот; набарда, банная мажонка, платает, в ее огромных глазах боль и полное доверие к человеку, который ей промывает рану...

Тот же операторский прием: остановил, мгновение, ты примерил! Пять лет иркуду эским и Воронову Лавров, по крупицам вышвыпая и собирая материал для фильма, который, несомненно, надолго останется — полезным для науки и для всех, кому дорога природа и интереси мир вокруг нас.

Эстетические взгляды кинематера Андрея Лаврова сфокусировались в одной из известнейших в Сибири самостоятельных интеллигенции: имя его прадеда Миклулу Лавров родом с именами великих революционеров и просветителей своего рода стал и Андрей. Поиск новых тем, новых изобразительных средств в документальном кино им начал успешно. Позтому, пожалуй, так популярны в Сибири и молодой кинооператор и организованный им клуб кинолюбителей.

Григорий РОШАЛЬ,
кинорежиссер,
народный артист СССР,
лауреат Государственных премий

ДЕСЯТЬ МИНУТ
И ЕЩЕ ПЯТЬ ЛЕТ

Если бы меня спросили, какие ленты документального кино дают наиболее впечатляющее представление о сибирской природе, я бы непременно назвал работы кинематографа Андрея Лаврова. Знакомство мое с Лавровым произошло случайно недавно, на Всесоюзном фестивале любительских фильмов Ленинского комсомола, где мне довелось быть председателем жюри. Его лента об исследователях Байкала «Странник ледовой жизни» получила всеобщую признательность и главный приз фестиваля — приз ЦК ВЛКСМ. Во-первых, эта работа, сделанная с профессиональным вкусом и мастерством. А во-вторых, Лавров, операторский оператор, блестяще доказал нам, что кинолюбители — авторский шедевр нашего искусства — наделены резервом кино! «Снимайте так, как Лавров», — говорили мы, члены жюри, и кинолюбители и молодые, профессионально работающие операторы. Что же мы имели в виду, давая столь ответственную рекомендацию? Вернемся к «Странник ледовой жизни». Чтобы запечатлеть наиболее важи-

Валентин Распутин.

Михаил Шулгин.

до молодое Валентина. Русские поэты лишь после В. Всеволодова совещания молодых артистов переводить стихи Минкула с языка народности ханты. Кстати, на этом совещании в семинаре Михаил Пылова и Николай Старина Минкула представлял известный поэт Юван Шестаков. Кичи Шестаков давно перешагнули через Уральский хребет, они издаются и за рубежом. А вроде бы совсем недавно узнали мы его стихи, переведенные с манси. Да, небольшие народности — ханты и манси. И в усадьбе этой поэт, для которого фольклор и язык его народности стали основополагающими в творчестве.

Шестаков рассказал, что Миккула Шулгин стал известен с себя на родине сначала как переводчик Пучина. Нет, пожалуй, из одного стойбища оленеводов, где бы не читали на родном языке «Сказку о рыбине и рыбе»...

Миккула Шулгин знает его книги ныне нулевы нам, как и полюбовавшись читателями книги Ювана Шестакова, ибо давным-давно в нашей стране исчезла так называемая «литературная периферия», Сибирь, создающая — форпост нашей многонациональной, бурно растущей молодой литературы России.

Мария КНЕБЕЛЬ, профессор, заведующая кафедрой режиссуры ГИТИС, народная артистка РСФСР

ТЕАТР В ОЛЕНЬЕЙ УПРАЖКЕ

Станиславский любил говорить, что и у нас будут ученики. Прелесть выдвигается незаново... А нарядный питомец — это частушка мастера, его знаменитость. И можно ли не думать о нем, о его первых пробах, о муках и счастливых творческих открытиях, сопутствующих таланту в начале гонимка!

Когда в ГИТИСе стало известно, что мой выпускник Спартак Слещцов назначен главным режиссером Норильского передвижного театра, а питомцы профессора Михаила Николаевича Гадрова — актеры выпущенной нами Ягтской театральной студии — носители молодого творческого коллектива, все мы испытали и радость, и волнение, и горячее желание помочь Спартаку Слещцову и его друзьям. Михаил Николаевич Гадров тотчас вылетел в Норду.

Михаил Николаевич потом вспоминал, что недаром говорились: «Дом и стены помогают». Особенно, если эти стены домов, некогда поставленных норильским питомцем Фрументием Сафроновым. Выросший в учительской семье, с детства обнаруживший незаурядный интерес и литературу и искусство, одаренный юноша после окончания школы плотничал, исходил лесные своего северного народа.

Сюжета с судьбой Фрументия и судьбы молодой талантливой актрисы Марии Кривоносовой. Дорога в ГИТИС пролегла для Марии через неслучайное детство, в юные годы она трудилась дворником на фирме. С такими питомцами студии, как Петр Манюлаев, Анатолий Кривоносовичи, Василий Фомиин, было интересно работать. Овладевая актерским мастерством и духовной культурой других стран и народов, эти молодые люди всегда помнили, что они в долгу у своей Ягтской, что им предстоит творчески возродить своему национальному искусству все наполненное, сплеченное в Москве.

У такой работе готовил себя и Спартак Слещцов. В Слещцове неслучайно самолюбное видение мира, не-

утоливое стремление выработать свой режиссерский почерк, характерной особенностью которого с самого начала было желание уйти от шаблонности и повествовательности эпической драмы, и сценах народной мизансцены. Гадрову в этой его поэзии в городе Ягтской повествовать как бы «вернуть лагерь гармонично», понять, что надо сделать, чтобы зрелищный почерк режиссера стал определяющим для актерского ансамбля и с другой стороны, чтобы режиссер максимально расширил возможности и пластичность своего актера. Ну, например, Валентина Николаева. Михаил Николаевич в свое время и сам Николаев может больше, гораздо больше, чем порою ей удается. Нередко на занятиях в студии Валя была бледнее, невыразительнее многих своих одноклассников мене одаренных, чем она. В чем же дело? Оказалось, что Николаева требует отгонное воздействие, она «увядает» роль и главным образом себя в этой новой роли. Ее надо «взбудить» — и тогда актриса преобразуется, ее творческий диапазон делается чуть ли не безграничным. А если молодой режиссер не сразу понимает это! Если разочаруется в актрисе с первых же шагов? Сколько неслучайных ролей, неиспользованных возможностей...

Тогдашняя переписка со Спартаком Слещцовым и работа моего коллеги Михаила Николаевича Гадрова на последних репетициях выпускного спектакля «Подвиги девицы», поставленного им — наши большие хлопоты и заботы у юнцов молодого театра, столь необходимого оленеводов, охотников, геологам, горнякам, обрешены своей профессиональной театр на дальнем Севере.

«Театр в оленьей упражке» — так не сразу открыли для себя, что передвижной Норильский побывал всюду и далеко там, где о театре знали мало.

Спартак Слещцов осуществил постановку яркой мюзиклальной драмы Ивана Бочарова «Восход солнца» — вот где сочетались интуитивный фольклор с колоритом места и быта, вот где предельно раскрылось дарование молодых якутских актеров.

«Думаю о Мольере на интуитивном»... Успеха тебе, Спартак! Мы верим в Норильский передвижной — в театр, который на вершине и в оленьей упражке специализируется и самым дальним параллелем необъятной нашей земли.

Сцена из спектакля «Восход солнца».

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ
композитор,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

«ГОВОРИТЕ О ГЛАВНОМ»

О Георгии Ивановиче чаще пишут и говорят как об авторе первой симфонической оперы «Аллага песня», поставленной на сцене Новосибирского театра оперы и балета. Критика отмечала, что язык оперы декоративен, опера вообразила в себе богатства народной музыки. Известен вокальный цикл Иванова для баса с фортепиано «Известия о главном». Тема мира и войны решена Ивановым в этом цикле мужественно, пронизанно. Гудяков об руку с ведущими поэтами России композитор заявляет о своей решимости и до конца будить людскую совесть, вызвать и сила мира — во имя торжества света и разума на земле. В Новосибирске с интересом ожидают премьеру балета «Василий Теркин». Заслуженную популярность завоевал его фортепианный концерт, в котором убедительно раскрылось дарование молодого импозитора.

Георгий Иванов.

Лири АБДУЛЛИНА,
г. Красноярск

Нина ГРЕХОВА,
г. Новосибирск

Полярная почта

Десять месяцев неупад
Все мерещится листопад.
Мне неможется, мне неможется.
Что с тобой! — друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною! Со мною снег.
Десять месяцев до весны.
Десять месяцев — белые сны.
Десять месяцев неупад
Все мерещится листопад.
И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача,
Есть лекарственные слова:
Что растет на земле трава,
Что на свете есть теплый дождь,
Что на свете есть листьев дрожь.
Вы простите мне эту малость.
Эту малость, мою усталость.
Десять месяцев неупад
Все мерещится листопад.

Владимир ЛЕОНОВИЧ

Слышу мой Записб...

Я слышу, как звучит бетон,
где струны тронуты рибристые —
глубокий рыок их и стон.

Вздыхает, трудится кессон.
Мороз. Блестит пространство
и голубая, маслянистая
дмится глина тех времен,
когда земля не знала нас.
Словозильный камень просочась,
разносится гуденье струное,

и бормотание злою
словозильный камень, как стон и вздох,
восходит, сонное и юное.

Запаху берегом высоким
и тайным трепетом листа.
Тоской березовой и соком
я заманю тебя в леса.

Там не отваяжишься агулат,
ошеломленный сневоей.
А я подставляю белой локоты,
чтобы ты оперся на него.

И ты прильнешь ко мне губам,
в любую свою неумолима.
А я добра к тебе по-бабьи
под небром мартовским нояем.

И не подумаю о лете —
в плену неверного тепла.
Как хорошо на белом свете
прожить минуту для тебя!

Когда обратная засылка
опору скрывает под землей,
и в рост поднимается незбычно
сооруженные пред тобой,

увидишь ты: оно прекрасно,
но угол зрения вместит
и ту опору, что на вид
бесформенна и безобразна.

Куда от этого деваться,
когда прозрачна так земля!
И зданию в пору разорваться
по узкой петличке нуля,

и в напряженности пружины
оно не ведет о том,
что полностью и целиком
прекрасно и нерасторжимо.

Вениамин СМИРНОВ,
г. Салехард

Сибирский художник Вениамин Смирнов со своими стихами выступал впервые. Он долгое время не решался никому их показывать, боясь его товарищи не знали о творчестве Вениамина. Но однажды у нас в «Смене», на выставке своих работ, Смирнов разговорился с поэтами, приехавшими познакомиться со своеобразным творчеством художника. Николай Старшинов и Рамиза Казакова, узнав от Вениамина, что он «сочиняет», попросили показать стихи...

Мнение поэтов было единодушным: пора печататься, пора прийти к читателю! И к этому мнению нельзя не присоединиться. Доброго пути, Вениамин Смирнов!

Мой Север, как красивее тебя,
твоих ночей, беззвучных и бессонных,
где вдруг залетает солнечный набат
над далами, что плыли так спойкой!

Молчат в раздумье переобитые холмы,
тиха земля под звездным знаком неба,
и нем и древом баг ее прямыми
и гор гремят створожерый гребень.

Осенний навесомый неуют...
И горизонт потерян в серой хляри,
Но знает небо огненный салют —
венки склянки, связку Заполарья.

Я песен много слышал и других,
Но в бесконечность долгими ночами
хрустят торосы свой давнишний гимн,
Лишь океан. Да небо. Да мальчише.

Далеко на востоке России, на затерянном
в тайге полустане
Мимо молчаливых людей на перроне,
Мимо черствы с беззвоним и неурно,
Мимо удивленных всхликов у рельсов
На железнодорожной платформе
надменно провозили мертвого
человека, и мотовоз протяжно
гудел.

Он был покрыт грубым претым одеялом,
и красный флаг траурно
блел у его ног.

Я видел, как лица мужчин становились
печально-суровы:
Лесорубы, сплавщики леса, путейцы —

многие знали его, многие
были друзья с ним,
[Совсем молодой, ему не было и тридцати,
как я позже узнал.]

Какой-то пыльный парель играл и играл
на гармонике, и облава арко-
белого цвета плыли в высоком небе.
Подходили женщины и неуверенно
спрашивали,
кто он — тот, на платформе с трепещущим
флагом.

Завьюжило, завьюжило
Надежно и надолго.
Опять вы, ветры южные!
От вас одна мюрова.

А ты ко мне — Россей,
Снежником — на губы,
Красивая-красивая —
Мой праздник среди буден.

Волос лавины русые
Порывисто заснежили
И вся ты очень русская,
И вся ты очень немкая.

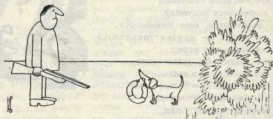
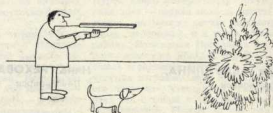
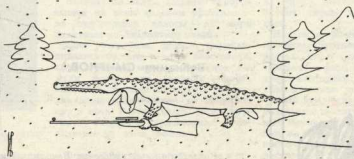
Веса лежит вступившим
Таюх открытых плеч.
Доверчиво, разбуржимо
Все то, что не сберешь.

Она молчит, как правда,
Под ласкою ладной,
Но в нем — вся тайна — радость,
И нет ее огромной.

А ветер, ветер, бешеный,
То пачнет, то хохочет
И вдруг подымет бережно
В руках все звезды ночи...

Рисунки Валерия ОКУНЕВА

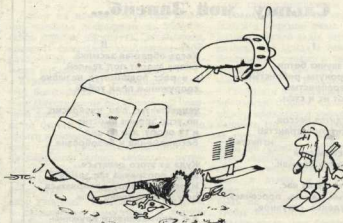
Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА

— ПРОФЕССОР, И КАЖЕТСЯ, НАШЕЛ СЛЕДЫ ТУНГУС-СКОГО МЕТЕОРИТА!

— ОТЛИЧНЫЙ СТОЛ!

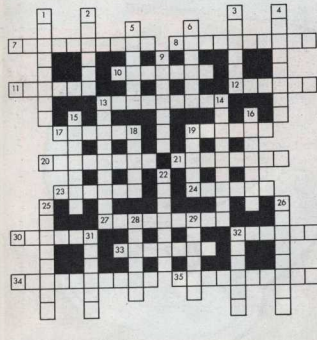

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/IX 1969 г. А 00198. Подписано к печ. 2/Х 1969 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂.
Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,53. Тираж 1 180 000 экз. Изд. № 3067. Заказ №2722
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Составил Ф. БОРИСЕНКО,
г. Новосибирск

По горизонтали:

7. Остров в архипелаге Северная Земля. 8. Советский ученый-математик, руководитель Сибирского отделения Академии Наук СССР. 10. Город в Иркутской области. 11. Морское ластовое животное. 12. Город в Красноярском крае, место ударной комсомольской стройки. 13. Песня. 3. Колмановского. 17. Область города в Сибири. 19. Горнолыжная соревнования. 20. Город в Запоярье, один из центров цветной металлургии. 21. Композитор, автор песен «Расцветай, Сибирь!». 23. Автор пьесы «Бронепоезд 14-09». 24. Государственное сельскохозяйственное предприятие. 27. Таинный двойной мустарин. 30. Озеро на севере Красноярского края. 32. Остаточная собака. 33. Меховой товар. 34. Автор стихотворения «Рассказ о Кузнецком и людях Кузнецка». 35. Природная зона в районе вечной мерзлоты.

По вертикали:

1. Крупнейшее месторождение нефти в Сибири. 2. Область центра в Сибири. 3. Песня О. Фельцмана. 4. Руда для добычи титана. 5. Рыболовное судно. 6. Русский сокол, ловчая птица. 9. Принт Большого Енисея. 13. Вечноезеленый мустарин туандра. 14. Город в Свердловской области. 15. Лиственный лес. 16. Автор романа «На диком бреге...». 18. Композитор автор мелодии «Сибирский вальса». 19. Пушное зверье. 22. Походный строй автомашин. 25. Горный хребет на юго-западе Алтая. 26. Поиск полезных ископаемых. 28. Роман К. Ф. Седых. 29. Представитель народности, живущей в Хабаровском крае. 31. Минерал. 32. Город, именем которого названы гидроэлектростанция и лесопромышленный комплекс.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

2. Гармоника. 6. Литва. 8. Валет. 9. Албей. 12. Бригад. 13. Август. 14. Мамзэд. 15. Палит. 17. Апрель. 18. «Волга». 19. Вологда. 23. Кодекс. 25. Грунт. 26. Винтер. 27. «Торнадо». 28. Турбина. 30. Шкура. 31. Олень. 32. Агава. 33. Альпийцы.

По вертикали:

1. «Последние». 2. Гранада. 3. Рубка. 4. Истре. 5. Афалина. 6. Любия. 7. Тригонометрия. 10. «Беспрыданница». 11. Кровава. 13. «Порог». 16. Алюрт. 20. Портит. 21. Муковский. 22. Новада. 24. Сметана. 25. Варшала. 28. «Огонь». 29. Танис.

КРУТОМ СНЕГА

Слова
Виктора МАКСИМОВА
Музыка Эдди РОЗНЕРА

Здесь нет театров, нет такси,
Нет площадей, нет тротуаров —
Сквозь северной Руси
Облится крыш у агаров.

Пр и в е т.

За дверью ночь. Не спится нам.
Так отчетливо нам не спится!
Транзистор бродит по волнам
И мигает гол из столбцов...

Пр и в е т:

Но если кто-то позовет
Нас среди ночи на подмогу,
Поднимем в небо вертолет,
Наш санитарный вертолет,
И сквозь пургу пробьем дорогу.

Крутом снега, один снега,
Который днем летит метели,
И стелет белая пурга
Тайге холодные постели.

Пр и в е т:

Но если кто-то позовет
Нас среди ночи на подмогу,
Поднимем в небо вертолет,
Наш санитарный вертолет,
И сквозь пургу пробьем дорогу.

Не снега

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 19

1.

На рисунке изображен пруд, окруженный четырьмя деревьями. Попробуйте увеличить его вдвое, оставая все четыре дерева на прежнем месте.

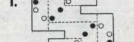

2.

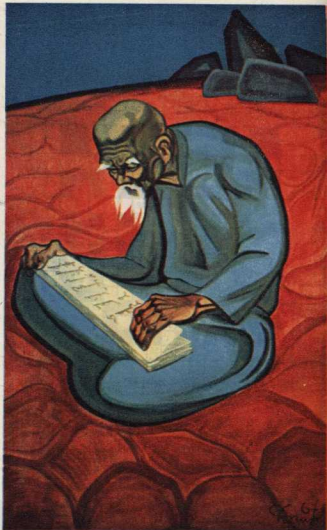
Нарисуйте эту фигуру из бумаги и не проходите ни дважды по одной и той же линии.

1.

2. Потрескавшийся мушкетер можно «залатать» третьим осколком.

МАЛЫЧКИ ИЗ АГИ

А. А. ОКЛАДНИКОВ,
народный художник Бурятской АССР

Дашин начал рисовать рано, совсем еще маленьким мальчиком. Правда, в военный год в семье не было больших и мальчишек — все стали работниками, все провалялись в окопах на фронте, а сами отправлялись в полевые бригады и на колхозный ток помогать матерям и сестрам. Дашин рисовал углем на белой стене дома. Рисовал угловатые, резкие фигуры солдат, торжествующую мать, безногого почтальона — первого инвалида, вернувшегося со страшной этой войны...

Момент битвы, еще тогда, испытывал крайнюю нужду в кисти и бумаге, Дашин приучал себя брать за рисунок, лишь уже все чувствовал и видел перед собой. Это удивительно, но у Дугарова нет дистанции делению в долгие месяцы — дистанции между эскизом и картиной, целью и завершенной. Он мыслит цветом до того, как начинает писать, образом, почти воплощенным тотчас же, без всякого всем поиска! Это вдохновенная, стремительная, как правдоподобная, подготовка мучительная и интуитивно точная — предчувствие того, чему суждено свершиться.

Его работы надо видеть — всякий рассказ о них проигрывает перед замыслом, воплощенным на холсте. Ведь Дашин никогда не иллюстрирует то или иное событие, его искусство сопредельно веществу, знакомые вам предметы и обстоятельства приходят открыться для себя заново, если они прошли через воспроизведение и мастерство художника.

Триптих Дашин Дугарова интересен прежде всего философским замыслом. «Это не прошлые глазами будущего» —

сказал один ученый, посетивший мастерскую Дугарова. Почему? Да потому, что в будущем нашим потомкам будет чрезвычайно важно узнать, как мы выставили в нищете, как пришли и вершины культуры, как одолели разруку и войны.

Триптих, ослепший мудростью и силой народной, ведет нас к истокам будущего, через испытания и невзгоды прошлого.

Самобытный в своем искусстве, художник избежал двух крайностей, подстерегающих современного мастера: он не ушел в этнографический образ, уйти от чисто декоративной манеры, обычно выражающей лишь внешне, поверхность окружающего художника мир.

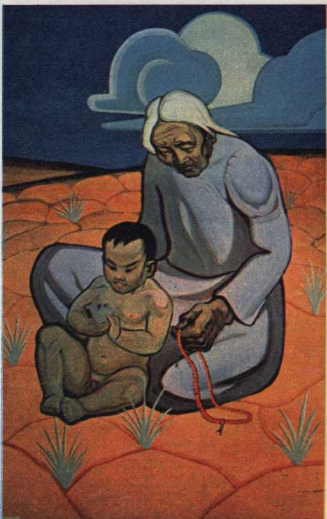
Вернувшись из Софии, с Всемирного фестиваля молодежи, Дашин сказал мне: «Маленький художник мечтает, чтобы он был нужен и почитан не только у себя на родине. На выставке в Софии и понял: человечеству всегда интересны художники своей судьбы, единственной, незаимчивой. И — своей земли. Вне псевдонациональной декларативности. Отмечая успех Дугарова в Софии, известные писатели, что он поэт-человек, любили и цветет, что индивидуальный колорит у Дугарова крайне выразителен. Но немаловажно: он создает атмосферу его творчества, тот воздух, которым овеет каждый его полотно».

Я намного старше Дашин, он годится мне в сыновья. Но оба мы из Аги. И потому, часто с отцовской неинтересно думать о нем, я вижу его мальчишески. С кусочком угля у тельно что побеленной стены.

СИБИРСКИЕ МУЗЫ

Дашин Дугаров.

Триптих.

Цена номера 28 коп.
Индекс 70820